

Тулаев П.В.

**РАБОТОРГОВЛЯ В КРЫМУ:
ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ
НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ**

**Москва-Алушта
«Киммерийский центр»
2024**

УДК [94 (477.75):343.431]”13/17”
ББК 63.3(2)43-94

Т82

Тулаев Павел Владимирович

Работорговля в Крыму: история, которую нельзя забывать / Москва-Алушта, - Императорское русское историческое общество, ООО «Киммерийский центр», 2024. – 124 с. : иллюстрации, карты.

ISBN 978-5-6042594-8-1

Тема, представленная в исследовании историка П.В.Тулаева, известна специалистам, но до сих пор не осмыслена широким кругом общественности. Количество невольников, прошедших через Таврический полуостров с XIV по XVIII век, составляет около 2 миллионов человек различных возрастов и этносов, что свидетельствует о масштабности данного явления. Хищная эксплуатация людей, доходившая до глубокого драматизма, до крайней жестокости, принесла много бед и сломала неисчислимое количество человеческих судеб. Постоянные набеги вооруженных кочевников на русские и сопредельные земли, сопровождавшиеся пленением самых лучших, молодых, здоровых и красивых жителей, нанесли огромный ущерб нашему народу.

Данная работа основана на десятках источников, включая свидетельства современников и труды незаслуженно забытых авторов XVIII-XX веков. В ней систематизированы сотни фактов, событий, иллюстраций. Изложены экономические и геостратегические причины работорговли в Крыму, описана её география и национальный состав подневольных, приведена соответствующая статистика. Объяснён социальный статус рабов, приведены типичные примеры того, как складывалась судьба пленников.

В хронологическом обзоре показано развитие рабовладения в Северном Причерноморье в различные эпохи. Рассматриваются его образы в фольклоре, литературе и художественных произведениях. Критически проанализированы новейшие научные исследования, монографии и статьи.

Цель автора и издателей – увековечить память о христианских мучениках-рабах, прошедших через невольничьи рынки Крыма, – донести правду, а не сгустить краски или оскорбить кого-либо.

© Тулаев П. В., автор текста и макета, 2024

Научный редактор - Н.А.Гринченко, корректор - А.А.Любимова,
дизайн обложки - А.А.Петракова.

Книга издана при содействии Благотворительного фонда “Наследие Крыма”.

С деловыми предложениями обращаться к Анастасии Алексеевне Ивановой:

e-mail: info@bfnk.ru, тел. + 7 (499) 707-55-55

РАБОТОРГОВЛЯ В КРЫМУ: ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

О проблеме в целом и её главных аспектах

Тема работорговли имеет широкий исторический дискурс.

Рабовладельческий строй несколько тысячелетий назад сменил первобытнообщинную формацию, когда матриархальный уклад вытеснил экономически более эффективный строй с массовым использованием рабов в государственном и частном хозяйствах. Всемирно знаменитые египетские пирамиды, древние храмы инков и ацтеков, римские дороги и акведуки, – всё это создано под руководством гениальных архитекторов пленные или купленные рабы.

Само слово «раб» этимологически означает ничто иное, как работник (от старославянского «рабъ» и исконно русского «роб»). На украинском языке «робити» значит не только работать, но делать вообще, совершать что-либо. Однако в современном смысле и в правовом отношении понятия «раб» или «рабыня» обозначают подневольных работников.

Исчезло ли рабство как экономическая форма эксплуатации труда после наступления новых общественных формаций: феодальной и капиталистической? История свидетельствует, что нет. Феодалы, то есть крупные землевладельцы, включая королей и князей, широко использовали рабский труд крестьян и других трудящихся, только в иных формах, ограниченных законами и порядками своего времени. В Российской Империи такая зависимость называлась «крепостной».

«Крепостное право» было отменено царским указом в 1861 году.

Стоит напомнить и о широком распространении рабства в XIX веке в США. С начала XVII века, когда Северная Америка была колонией Великобритании и Франции, туда было завезено более 650 тысяч подневольных африканцев. А всего на западный континент с исконно индейским населением прибыло при содействии колониальных держав около 12 миллионов рабов. Преимущественно это были чернокожие, которых в быту называли «неграми» (от испанского *negro* - тёмный, черный). Рабство как способ закабаления личности было отменено в США только в 1862 году, но южные штаты, чья сельскохозяйственная экономика

напрямую зависела от массовой эксплуатации чернорабочих на плантациях, не желали признавать конституционное решение и вступили в гражданскую войну. Долгое время они не ратифицировали поправку о рабстве в своих конституциях.

Широкой общественности менее известна история рабовладения и работорговли в Крыму, хотя соответствующие исследования, конечно, имеются. Они послужили фундаментом для нашей работы, упоминаются в соответствующих библиографических ссылках.

Количество невольников, прошедших через Таврический полуостров с XIV по XVIII век, составляет около 2 миллионов человек различных возрастов и этносов, что свидетельствует о масштабности данного явления. Шокирующая, как с позиции статистики, так здравого смысла эксплуатация людей, доходившая до глубокого драматизма, до крайней жестокости, принесла много бед и сломала неисчислимое количество человеческих судеб. Постоянные набеги вооруженных агрессоров на русские и сопредельные земли, сопровождавшиеся пленением самых лучших, молодых, здоровых и красивых жителей, нанесли огромный ущерб нашему народу.

В конце данной работы приведены в сравнении различные точки зрения на проблему крымского рабства, а в начале мы проанализируем её ключевые вопросы и понятия.

Давайте остановимся на исследовании того, каковы были исторические и экономические причины рабовладения на Таврическом полуострове? Каков был социальный статус рабов в различные эпохи и как складывалась их судьба? Какова география работорговли и её этнический состав? Почему некоторые западные авторы считают, что этноним «славяне» происходит от латинского слова «slave» (английское соответствие “slave”) и означает «раб». Наконец, о какой численности закабалённых и проданных пленников в Крыму в отдельные периоды истории может идти речь?

Для ответа на сформулированные вопросы мы объясним такие тюркские термины как «ясырь», «мамлюк», «янычар», «гарем», «джарие», «изин», исследуем такие латинские понятия, как *captivus*, *servi*, *qul*. Приведём типичные примеры и редкие исключения в кратком историческом обзоре.

В данном исследовании все цитаты аутентичны, достоверны, насколько это позволяет точный перевод источников, если они заимствованы из зарубежных источников. Цель приведённых фрагментов – донести историческую правду.

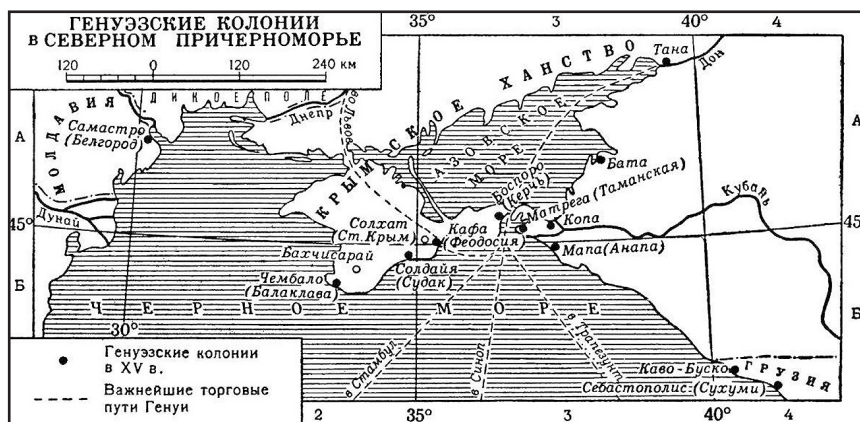
Наконец, мы сделаем общие выводы и заключения, сформулируем конкретное общественное предложение по увековечиванию памяти мучеников-христиан, ставших жертвой работорговли на Таврическом полуострове. С инициативой изначально выступили руководители фонда «Наследие Крыма» Владимир Львович Иванов и его супруга Анастасия Алексеевна Иванова. Они вдохновили автора данной работы и способствовали публикации результатов исследования.

Причины работорговли в Крыму

Географическое расположение Крыма как компактного по размерам полуострова с чудесным климатом на перекрёстке торговых путей между Востоком и Западом, Севером и Югом, всегда было главной причиной его особого статуса в качестве перевалочного пункта. В степях Таврии, называвшихся также «Диким полем», господствовал кочевой уклад, а на морском побережье Понта была развита многообразная торговля.

Испокон веков через греческие и другие колонии проходили караваны кораблей из разных уголков мира. Торговали все народы, но особенно активно – греки, турки, арабы, армяне, евреи. Некоторые купцы специализировались именно на невольниках.

«Золотой век» работорговли в Крыму начинается с того периода, когда его цитаделью в конце XIII века становится Кафа (греческое: *καφᾶς*, по латыни: *Cafās*), бывшая Феодосия, купленная у Золотой Орды богачами из Генуи. Этот знаменитый итальянский город был тогда аристократической республикой с мощным флотом и развитыми международными связями. Генуэзскими колониями в Крыму были также Чембалло (Балаклава), Солдайя (Судак), Воспоро

(Керчь), Сарсона (Херсонес), Ялите (Ялта), Луста (Алушта). Важную роль играла крепость Тана (Азов), расположенная в устье реки Танаис (Дон), через который проходили торговые маршруты.

Через крымские порты европейцы вели оживленную торговлю разнообразными товарами из Причерноморья, Азии и Африки. Однако именно Кафе (по-итальянски – Caffa) суждено было стать главным центром работорговли на полуострове. Понятно, что сами итальянцы не ходили в завоевательные набеги с целью захватить пленных; этим занимались татары. Монополизировав этот выгодный бизнес в Европе при содействии Орды, генуэзцы стали контролировать несметный рынок живого товара.

По свидетельству испанского путешественника Педро Тафура, описавшего Крым первой половины XV века, *«в этом городе [Каффе] они продают больше рабов, как мужчин, так и женщин, чем где-либо ещё в мире; султан Египта имеет здесь своих агентов, и они покупают рабов и отправляют их в Каир, и их называют мамлюками»*. [1]

Вид Кафы с моря. Гравюра XVIII века

«Мамлюки» в переде с арабского означает «подневольные». Таковых ежегодно поставлялось до 2 тысяч человек. Из молодых, физически крепких рабов различного этнического происхождения, пленённых в степях Евразии, египтяне формировали целое сословие военных для своего государства. Его можно сравнить со знаменитыми «сакалиба», многочисленными славянами на службе у мусульман в Северной Африке, имевшими особый статус. Когда количество переросло в качество, мамлюки совершили в Египте политический переворот и стали диктовать свои условия.

Помимо русских и славян в широком смысле, то есть выходцев из Московского царства, Речи Посполитой и Южной Европы,

Мамлюк. Книжная миниатюра XIX века

среди рабов в Крыму были кавказцы, татары, болгары, венгры, казаки различного происхождения. Попадались даже австрийцы, пленённые османской армией в более позднее время, во время осады Вены.

По старому обычаю Крымский хан не имел право отбирать у своих подчиненных «ясырь» (пленных), захваченных во время военных действий. Это были их законные трофеи, которыми кочевники распоряжались по-своему усмотрению. Однако во время продажи пленников хан получал 1/10 часть цены от каждой сделки в качестве налога.

Главным стимулом для посреднической и вывозной торговли невольниками была её высокая экономическая эффективность. В частных хозяйствах, на государственных предприятиях и военной службе, труд раба оплачивался минимально, за исключением особых случаев. Почти задарма подневольные обрабатывали землю, собирали урожай, рыли колодцы, возили воду, добывали соль и т.п. Иногда женщинам доставались сравнительно более лёгкие работы в саду или на кухне, они пряли пряжу, ткали, присматривали за детьми, как няньки, кормили младенцев.

Разумеется, на полуострове было развито не только натуральное, но и коммерческое сельское хозяйство: животноводство, огородничество, виноделие, кустарное ремесло, торговля как таковая. Однако в целом экономика находилась на примитивном уровне. В структуре экспорта преобладали именно рабы как наиболее выгодный товар.

Ключевыми транзитными центрами были такие города как Карасубазар, Бахчисарай, Гёзлёв (Евпатория), Керчь, и, конечно, Кафа. Путешествие в Стамбул морским путём вдоль восточного и южного побережья Понта занимало около десяти дней, а там пленники перепродавались купцам из Малой Азии, Ирана, Египта и южной Европы.

При удачной сделке доход составлял более 100%. Иногда он доходил даже до 1000%, когда речь шла о выкупе знатных людей или особо привлекательных красавиц. В это трудно поверить, но факты говорят сами за себя. Согласно одному из источников, средняя цена раба составляла около 600 аспров (греч. ἀσπρή), мелкими серебряными монетами, распространёнными в Турции, что приблизительно равно стоимости 5-6 вьючных лошадей. Цены варьировали примерно так: 130-150 аспров за пожилого раба и до 1000 аспров за молодого, сильного и здорового мужчину.

По оценке в пиастрах (от исп. peso), крупных монетах серебром, имевших хождение в испано-американском мире, стоимость

одного раба в зависимости от его физических данных колебалась от 60 до 6000. В те времена средняя цена лошадей в испанских монетах составляла от 15 до 20 пиастров, а верблюдов от 40 до 50 пиастров. Значит, даже при минимальном расчёте раб стоил в три раза дороже лошади и более, чем верблюд. Эти данные приводит Шарль де Пейсонель, французский учёный и дипломат XVIII века, бывший французским консулом в Крыму, автор книг «Трактат о торговле в Чёрном море» и «Записки о Малой Татарии». [2]

Цена «живого товара» зависела не только от возраста, но также от пола и этнического происхождения. В Османской империи дорого ценились красивые девушки до 30 лет из стран Европы, включая Польское королевство и Московское царство (300-250 курушей, турецких пиастров), немного ниже – кавказские пленники (150-200 курушей). Ещё дешевле – сарацины и африканцы. При этом в купчих документах учитывалась раса, то есть речь шла о белых (европеоидных), желтых (монголоидных) и чёрных (негроидных) рабах.

Сборщики податей. Художник Маринус Ван Реймерсвале. XVI век

В европейских портах Средиземного моря цены на невольников постоянно росли, иногда скачкообразно. Если в XIII веке за одного раба давали от 10 до 20 ливров, а в 1350 году – 25 монет, то к 1410 году его стоимость возрасла до 50 и более ливров. Русские рабы и рабыни ценились дороже всего. Как свидетельствуют нотариальные акты, цены на них колебались от 50 до 100 ливров, тогда как цены на черкесов и эфиопов обоего пола доходили максимум до 50-60 ливров. [3]

Для научной точности полезно было бы сравнить денежные курсы упомянутых валют: аспров, пиастров, курушей, ливров и гривен. Для это потребуется сотрудничество историков, экономистов и нумизматов, владеющих данными о давней эпохе.

Сохранились свидетельства о том, что сделки, связанные с рабовладением, проходили и на бартерной основе, через обмен товарами. Крымцы могли даже получить своеобразный кредит в виде коней, оружия, дорогих тканей, а сами обязывались выслать соответствующее количество невольников, которых всегда здесь было с избытком.

Статистика рабства как научная проблема

Общее количество товарооборота на невольничьем рынке, трудно поддаётся точным расчётам. Оно представляет собой предмет научной дискуссии с давних времен. Общая цифра, упомянутая нами в начале и в конце статьи, складывается из следующих данных.

Согласно мнению крупного специалиста по средневековью С.П. Карпова, исследовавшего архивные документы Кафы XV века, каждый год из северных портов Черного моря, а точнее – венецианских и генуэзских колоний, где находились центры торговли невольниками, вывозилось примерно от двух до трех тысяч рабов. Однако эта цифра не только примерная, но и весьма спорная. По признанию самого учёного, регистрацию проходили далеко не все торговые суда. В расчётных книгах по учёту налогов (массариях) фигурирует не более 3-5% от общего количества рабов в данном регионе. Делать итоговые выводы о масштабах работорговли в Крыму на основе ограниченного периода времени и малого процента от общей массы данных не представляется возможным. [4]

Американский учёный западно-украинского происхождения Орест Субтельный обобщил сведения о набегах татар на северных соседей. По его данным с 1450 года по 1647 год, то есть в период

османского господства, было 156 вооруженных вторжений. Если исходить из приведённой им средней цифры пленных («ясыря») в 3000 человек в год, которая сравнима с данными Карпова, то получается сумма в 468 000 угнанных людей. Правда, непонятно, какие именно земли и какие по масштабам разбойничьи вторжения исследовал автор? [5]

По количеству участников набег делились на три вида: 1) *сефари*, походы большого размаха во главе с самим ханом, в котором участвовало до 100 тыс. человек; 2) *чануле*, набег среднего масштаба, с участием примерно 50 тыс. всадников, под предводительством одного из беев; 3) *бешбаш*, небольшие налёты, общей численностью порядка 3-5 тысяч во главе с мурзой. Количество захваченных пленников зависело от исхода военного предприятия, ведь иногда агрессоры терпели поражение и вынуждены были бежать назад. В случае успеха каждый всадник уводил с собой по одному или более пленников, для чего имелись запасные лошади. Часть награбленного отдавались мурзе или бею, а они распоряжались с ясырём по своему усмотрению.

Хотя в летописных источниках и документах эпохи упоминаются главным образом крупные военные походы, нельзя недооценивать сравнительно менее масштабные налёты разбойников, которых насчитывалось иногда десятки в год. Один из первых исследователей работорговли в Крыму М.Н. Бережков в этой связи справедливо замечает: *«Эта мелкая, так сказать, будничная охота за людьми, далеко не всегда записанная в памятниках исторических, обошлась русскому государству не дешевле больших набегов крымских»*. [6]

Ученые из МГУ подсчитали, что с 1480 по 1769 год татарские орды Крыма и Северного Причерноморья совершили 72 средне масштабных вторжения, которые завершились вывозом большого количества пленных. По их данным, ежегодно из Крыма в европейские страны, в Турцию и на Средний Восток вывозилось в среднем от 7 000 до 10 000 рабов, а в отдельные периоды их количество возрастало в разы. Даже если считать по минимуму, то получается сумма в 2 023 000 человек.

По мнению Станислава Чернявского, автора книги «Крымская империя: от ханства к Новороссии», где обобщаются и анализируются статистические данные, количество пленников, как правило, завышается в литературных источниках. Но даже при критическом подходе современный исследователь насчитал общую сумму невольников за XV-XVIII века в 1 500 000 человек. Две трети этого «живого товара» составляли выходцы из Руси, Малой, Белой и Великой [7].

Османское войско в походе. Книжная миниатюра XVIII века

Независимо от русских историков американский специалист Алан Фишер (Alan Washburn Fisher) установил, что между 1468 и 1694 годами, то есть за сравнительно меньший период времени, было продано в мусульманское рабство два миллиона русских, украинцев и поляков, если использовать его терминологию.

Из других источников известно, что в период с 1450 по 1700 год только Стамбул (бывший Константинополь) импортировал 2,5 миллиона рабов из христианской Европы и с Кавказа. А ведь сотни тысяч невольников выводились из Крыма напрямую в Италию и Египет. Значит общее количество рабов могло быть значительно больше. [8]

Многие учёные сходятся на том, что постоянно пополнявшийся рынок невольников в Кафе порой достигал 30 тысяч человек. После подчинения Крыма Османской империи в 1475 году, когда турки вытеснили генуэзцев, до 70% живого товара уходило сначала в Стамбул, где было несколько невольничьих рынков, а оттуда купленные рабы переправлялись на кораблях в места, где была в них потребность. Поэтому Кафу, или Кефе на турецкий лад, стали называть также Кучук-Истамбул, то есть «Маленький Стамбул».

На самом полуострове количество рабов распределялись неравномерно. Значительная часть концентрировалась в хозяйствах хана, калга-султана, нуреддин-султана, беев и мурз. Несколько десятков знатных татарских родов контролировали львиную долю невольников. Во времена расцвета работорговли процент невольников составлял более половины населения Крыма.

Данные по отдельным периодам будут приведены в историческом обзоре, а здесь добавим несколько строк о формах рабства и судьбе пленных. Многое зависело от того, кем они были сами и куда именно попадали. Одно дело – стать служанкой в благополучной семье в Крыму с патриархальным бытом, а другое – воином на фронтах Османской Империи, чьи границы расширились из года в год.

Формы рабства и судьба пленников

Невольники попадали в Крым разными способами. Большинство захватывалось в полон во время многочисленных набегов татар на Русь и причерноморские страны. В юридических документах на латыни таких пленников называли *captivus* или *captivus*. Были и такие, которых покупали или перекупали у предыдущих хозяев-рабовладельцев. Они имели статус *servi* или *servi*, то есть рабов как таковых или прислуги.

Любопытно, что современное украинское слово «хлопец», то есть парень, мальчик, пацан, по-польски раньше означало «холоп, холуй, слуга». В царские времена холопами в России называли крепостных, дворовых или купленных в собственность людей, то есть рабов или прислугу. При этом в народе говорилось, что «все люди Божьи холопы».

Некоторых подневольных привозили на полуостров в качестве дани или подарков крымской знати, и они оставались здесь жить. В целом работорговля была двух видов: для внутреннего пользования и вывозная, наиболее распространенная.

Во время военных действий и транспортировке пленных ждала незавидная судьба. С ними поступали жестоко, безжалостно. Непослушных настигала быстрая расправа. В мирной жизни, особенно в местах далёких от битв и сражений, положение рабов определялось местными нравами и характером хозяев.

Пленных, захваченных в набегах или купленных оптом, пригоняли на городской рынок длинными караванами. Они были связаны верёвками или прикованы друг к другу по несколько человек цепями через специальные ошейники. В местах назначения рабы выставлялись на аукцион, чтобы продать их как можно дороже. Когда невольник был выкуплен во владение, хозяин имел право поставить на его теле своё клеймо (тамгу), подобно меченому скоту.

В Европе были свои особенности в правилах содержания рабов. Хозяева могли держать их взаперти, одевать на них кандалы

Колонна из невольников. Книжная миниатюра XX века

Осмотр рабыни перед покупкой. Художник Жан Леон Жером. XIX век

и специальную одежду, подстригать таким образом, чтобы при попытке к бегству они сразу выделялись из толпы.

Перед покупкой «живой товар» внимательно изучался будущим хозяином или коммерческим агентом. «Раба или рабыню продавали обыкновенно в натуральном виде, без всяких украшений, и после осмотра, причём присутствие раба и рабыни при сделке было обязательным (формула: *presente e consenziente alla vendita*). Продавец обязан был поручиться в том, что продаваемый экземпляр — особь вполне здоровая и сильная, обладающая хорошим зрением (*aver buoni occhi*). Она должна быть, как выражались нотариальные акты Флоренции, и др. городов, «здоровой и целостной во всех своих органах, как внешних, так и внутренних» (*sana et integra omnibus suis membris tam manifestis, quam occultis*). На этом последнем обстоятельстве покупщики настаивали больше всего». Так описывает процедуру сделки дореволюционный исследователь И.В. Лучицкий на основе нотариальных актов. [9].

Требовалось также, чтобы невольник был психически нормальным, неболтливым и неназойливым, то есть с покладистым характером, поскольку речь шла о приобретении хорошего слуги на многие годы. Если были замечены какие-то отклонения от установленной нормы, или, например, беременность будущей служанки, то это усложняло заключение сделки или обязательно заносилось в протокол.

Если пленённые мужчины предназначались для воинской службы и тяжелых работ, например, в сельском хозяйстве, на строительстве или на галерах, то женщин, как правило, устраивали служанками-рабынями или кормилицами. Самые юные и привлекательные красавицы пополняли гаремы знатных

В гареме султана. Книжная миниатюра XX века

мусульман. Слово «гарем» (от арабского «харам») означает священное, огороженное и запретное для чужих, место. По сути оно соответствует европейскому понятию «двор», но в современном понимании имеет в виду полигамную семью, где проживают несколько жён одного хозяина дома. У богатых султанов и ханов в гареме, помимо жён, было также большое количество наложниц. Например, у султана Селима, правившего в эпоху расцвета Османской империи, во дворце было по разным подсчётам от 365 до 500 женщин. От жён рождались дети – для продолжения потомства, а наложницы – украшали дворец, развлекали содержателя гарема и доставляли плотские радости. [10]

Потомки рабов, наряду с воспитанниками, попавшими в мусульманские семьи в раннем возрасте, принимали местные обычаи, имели право вступать в браки, несли военную службу на особых правах. Некоторые из них даже становились «янычарами», то есть элитными воинами, лично преданными султану. Поскольку среди янычар было огромное количество урождённых славян, это вызывало религиозную ревность со стороны православных и служило одной из мотиваций освободительных экспедиций казаков в турецкие владения.

В цивилизованных городах права невольников оговаривались в специальных документах, основанных на священном для мусульман Коране и исламских законах (шариате). Были даже случаи, когда рабы выигрывали суды и получили денежные компенсации. Причём речь здесь идёт о невольниках-христианах, потому что по шариату мусульманину не разрешалось держать в рабах единоверца.

Многие подневольные, имевшие профессию, получали специальное разрешение на своё занятие, так называемый «изин». Часто это было связано с торговой деятельностью в интересах рабовладельца. Известны случаи, когда пленники становились посредниками, переводчиками между мусульманским и христианским миром, но когда в рабство попадали священники или монахи, дело доходило до религиозных конфликтов.

Ради справедливости следует отметить, что пленники-христиане, попадавшие в порядочные семьи крымцев, имели некоторую свободу вероисповедания. Они соблюдали православные или католические обряды и посещали храмы, сохранившиеся ещё с византийской эпохи. Среди мусульман пользовалась уважением чудотворная икона Богородицы в Бахчисарае, культ которой поддерживался послами из Руси.

Любопытно, что католическая Церковь, изначально осуждавшая рабовладение, позже ввела ограничения только на торговлю единоверцами, как это было принято у мусульман. От имени Папы Римского Климента VI в 1344 году был опубликован нормативный акт (булла) о разрешении христианам приобретать, продавать и держать у себя рабов или рабынь *некатолического вероисповедания* (*qui non sint catholique fi dei christianae*). Этот указ нашёл отражение в соответствующем законодательстве генуэзцев, венецианцев и других европейцев. Строго запрещалось заключать сделки с «сарацинами», врагами Христа.

Вот почему в позорном бизнесе требовались посредники, не только евреи-торговцы или «поганые татары» (язычники). Даже корсары (средиземноморские пираты) имели право нападать на «неверных сарацин» с целью захвата пленников.

Янычары. Книжная миниатюра XIX века

Для церковного контроля над потоком невольников в Кафе, через которую предписывалось вывозить «живой товар», проводился осмотр каждого корабля местным епископом или другим представителем католического клира. Бывали случаи, когда задерживали рабов, предназначенных для поставки в Александрию, под предлогом, что они были христианами. В действительности таким способом решались не столько политические или религиозные, сколько коммерческие вопросы для усиления генуэзской монополии и получения финансовой выгоды.

Новая волна роста рабовладения в Европе по времени совпала с появлением торговых факторий латинян в Крыму. В XIV-XV веках держать у себя крепостную прислугу стало модным. Невольников приобретали купцы, дворяне, юристы, священники и даже монахи для монастырей.

Раб становился собственностью владельца, как вещь. Он имел имя или прозвище, но не носил фамилию, потому что был отчуждён от гражданских прав. Хозяин распоряжался невольником по-своему усмотрению. При необходимости он мог перепродать раба, жестоко наказать его за провинность или, наоборот, поощрить за добросовестный труд. При этом, христианские законы не позволяли насиловать рабынь. В некоторых случаях телесные наказания становились способом сексуальной эксплуатации.

Красивых и молодых невольниц, пользующихся особым спросом у мужчин, в исламских странах называли «джарие». Некоторых из них делали проститутками, а полученную от

Невольницы на продажу. Книжная миниатюра XX века

Сулейман Великолепный и его жена Роксолана. Картина XVIII века

клиентов прибыль, рабовладельцы складывали себе в карман. Относительно более свободные «джарие» имели право иметь детей, которые автоматически становились рабами, но уже с более мягкими формами эксплуатации. Иногда такого ребёнка брали на воспитание более состоятельные мусульмане, и он становился полноправным членом общества. [11]

В современной Турции и других исламских странах распространены легенды об успешной карьере некоторых пленников и рабынь. Например, рассказывают об удивительной судьбе Бейбарса, чьё полное имя Аль-Малик аз-Захир Рун ад-Дир. Он был вывезен с полуострова мальчишкой в XIII веке, а в последствии стал султаном Сирии и Египта. Мусульмане с гордостью рассказывают о том, что на своей исторической родине в Солхате (Старом Крыму), Бейбарс построил самую древнюю на полуострове мечеть.

Ещё более популярна история Роксоланы, известной мусульманам как Хюррём Хасекі-султан. О ней написаны книги, песни, сняты художественные фильмы. Рассказывают, что дочь священника из Галицкой Руси по имени Анастасия Лисовская, была продана в 1522 году на невольничьем рынке в Кафе. Из наложницы она стала четвёртой женой турецкого султана Сулеймана Великолепного, матерью будущего императора Селима II, а затем – одной из самых влиятельных женщин в Стамбуле, с которой связывают период так называемого «Женского султаната». [12]

Разумеется, приведенные примеры, были редчайшими исключениями. Подавляющему большинству рабов жилось, мягко говоря, не сладко. Их перегружали тяжелым трудом, наказывали в случае неповиновения, кормили только по мере необходимости, чтобы продлить жизнь, а когда холопы заболели, мало кто заботился об их здоровье. В голодные годы и в условиях эпидемий смертность среди невольников резко возрастала.

Многие рабы искали пути освобождения из неволи. Они пытались бежать из плена, перейти на сторону спасителей или других хозяев. Когда появлялась возможность, невольники стремились договориться со своими родными о выкупе или обмене пленными. Хотя некоторые авторы сообщают, что якобы был обычай отпускать пленных через 6-7 лет после каторги, достоверные источники свидетельствуют о более длительных сроках рабства. Некоторые каторжане находились в неволе по 10-20 лет, а иногда по 30 и более, то есть фактически всю жизнь. Иногда они заслуживали новый статус «слуги», то есть относительно свободного человека, но при этом оставались в распоряжении у патрона.

В XVI—XVII веках в Московском царстве сложилась целая система выкупа русских невольников, ведь среди них были не просто православные единоверцы, но и выдающиеся деятели своего времени, воеводы и служащие. Наиболее известный крымский пленник – боярин и полководец Василий Борисович Шереметев, о котором будет отдельный рассказ.

Постепенно частный выкуп перерос в государственный, потому что царю и боярам было выгодно держать монополию и собирать проценты от пожертвований на освобождение соотечественников. Посольства из Москвы направлялись на юг ежегодно для выполнения дипломатических поручений. До нашего времени в архивах сохранилось множество документов Посольского приказа, где четко изложена последовательность действий царских посланников.

Несмотря на огромные суммы, потраченные на выкуп пленных из государственной казны и специальных фондов, закоренелая проблема рабства не могла быть радикально решена мирным способом. В нашем историческом обзоре рассказывается о том, как Московское царство, выросшее в Российскую Империю, покончило с работорговлей в Крыму с помощью организованной военной силы. Для этого понадобилось нескольких крупных войн и кровопролитных сражений.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

От эпохи античности до распада Золотой Орды

В длительный исторический период рабовладельческого строя, то есть примерно с IV тысячелетия до н.э. по феодальную эпоху в I тысячелетии н.э. Крым, имевший другие названия, не был исключением в смысле господствующего экономического уклада. Рабы эксплуатировались и продавались в Боспорском царстве, в Херсонесе Таврическом, в скифских владениях. У кочевников-тюрков было понятие «кул» (qul). Оно обозначало подневольного человека. Зависимыми от хозяев «кулами» становились целые родовые кланы и племена.

Средневековые хазары продолжили эту давнюю традицию, превратив полуостров в VI веке в один из главных центров европейской работорговли. В Тмутараканском княжестве древних русичей X-XI веков, включавшем Тамань и Керчь, рабство тоже не могло быть отменено, ибо многие пленники, захваченные в крупных войнах и сравнительно небольших сражениях, составляли значительную часть рабочей силы феодалов.

Этот русский, православный форпост в Причерноморье в 1223 году был отрезан от Киева, Новгорода, Чернигова, Владимира и других княжеских городов монголо-татарами, которые установили на полуострове свою власть после победы в грандиозной битве на Калке. Монголы называли подчинённые племена «уначан-богол». Эти боголы не были рабами в полном смысле слова, но они значительно зависели от своих господ.

Приморский торг. Художник Густав Беланже. XIX век

В XIII веке, после взятия Константинополя крестоносцами, на побережье Черного моря стали проникать купцы с запада, сначала из Венеции, а затем из Генуи. Они выкупили у крымских наместников портовые города и основали в Кафе, бывшей Феодосии, свой главный торговый центр. Между венецианцами и генуэзцами была большая конкуренция, но в конце концов верх одержали богачи из Генуи. [13]

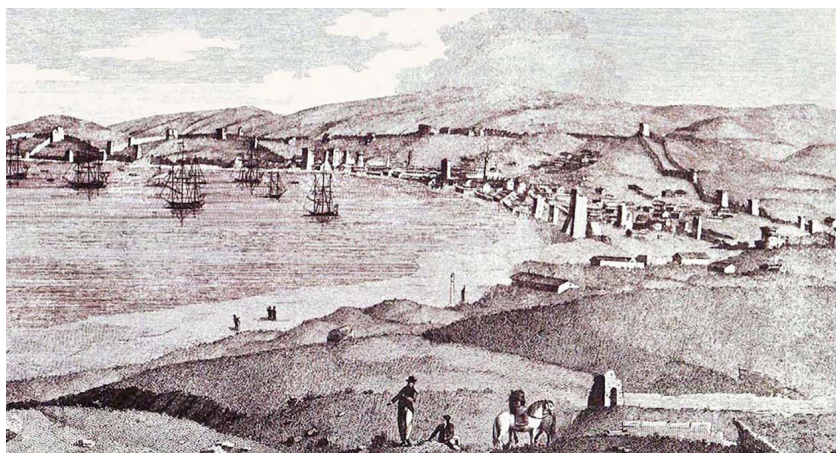
Постепенно европейские колонизаторы захватили в свои руки черноморскую торговлю. Одной из главных статей дохода были перепродажи невольников, попадавших в порты из степей и транзитных центров. Это были татары, половцы, кипчаки, кавказцы. Мусульман различного этнического происхождения христиане называли в то время «сарацинами» или «бусурманами».

Историкам известен договор 1288 года, согласно которому Армения обязывалась поставлять генуэзцам «живой товар». Он свидетельствует о том, что торговля рабами через Крым уже тогда имела международный размах.

Во власть генуэзцев попали такие важные приморские крепости, как Балаклава (Чембало), Алушта (Алустон), Судак (Сугдея, Сурож). Для транзита товаров важное значение имела

Купцы из Западной Европы и Турции. Гравюры XVII-XVIII веков

Панорама порта Феодосии (Кафы). Гравюра начала XIX века.

крепость Азов (Тана) в устье Дона (Танаиса). Жители небольшого княжества Феодоро (Феодориты), потерявшие стратегически важные для них порты, пытались оказать сопротивление, но эта война затянулась на целое столетие.

Кафа (на итальянском – Caffa) представляла собой типичный приморский город-крепость эпохи средневековья. Внутри и вокруг хорошо защищённой цитадели вырастали жилые кварталы, сформированные по этническому или профессиональному принципу. Отдельные районы заселяли латиняне, чей язык был господствующим, христиане греки и армяне, а также евреи иудейского вероисповедания. Целые улицы образовывали торговые ряды, мастерские ремесленников. Общее число этнически пёстрого населения европейской колонии доходило до 20 тысяч человек.

В центре города находилась Оффиция Попечения Романии св. Антония, то есть офис, деловой центр, осуществлявший контроль над морским перевозом невольников. Служащие этой международной конторы не только регистрировали потоки рабов и следили за правилами их транспортировки, например, чтобы христиане не экспортировались мусульманскими купцами и не попадали в их руки, но главным образом – взимали налоги «*impositio pro capitibus sarracenoꝝum*», что приносило огромную прибыль. При помощи такого контроля генуэзцы стремились установить монополию на работорговлю в бассейне Черного моря, поставив под контроль как венецианских, так и турецких купцов. География маршрутов не ограничивалась европейскими портами, такими как Генуя или Венеция, а распространялась на Малую Азию и северную Африку.

Арабский путешественник Ибн-Баттута, посетивший Кафу в 1334 году, называет её «известной гаванью мира», где он насчитал около 200 судов, больших и малых. Другой очевидец, упомянутый выше Педро Тафура, описавший Крым через 200 лет после Ибн-Баттуты, утверждает, что этот крупный порт «очень большой, как Севилья, или даже больше, с вдвое бóльшим числом жителей, среди которых – христиане-католики, а также греки, и все народы мира». [14]

Тысячи рабов из Крыма доставлялись морским путём в порты южной Европы, где невольничьи рынки всегда были переполнены «живым товаром». В XIV веке одним из главных центров работорговли стала Республика Флоренция, где с развитием свободных экономических отношений резко возросла потребность в дешёвой рабочей силе. Десятки крупных мануфактур и сотни мелких цехов по суконному производству, ткацкому ремеслу, выделке шелка, бархата и материй с драгоценными нитями, а также постоянные дворы, городские гостиницы и конторы, не говоря уже о домашних хозяйствах, где нужны были служанки и кормилицы, – всё это требовало тысячи заботливых рук. Оптовой поставкой невольников их восточных стран занимались торговцы-посредники и агенты крупных магнатов. Их называли *sensali* или *venditor sclavarum*. Сохранились даже некоторые их имена: Адоварди, Гальяно, Даванце.

М. К. Старокадомская, советская исследовательница сталинской эпохи, подчёркивает интернациональный характер этнического состава невольников: «Все эти рабы происходят из районов

Панорама порта Генуи. Фрагмент книжной миниатюры XIX века

Чёрного моря: среди них есть русские, татары, лезгины, грузины, абхазы, черкесы. Методы получения рабов генуэзцами в Чёрном море были весьма разнообразны. Не последнее место занимало прямое похищение детей у их родителей. Эта торговля была чрезвычайно выгодна, поскольку юноши и девушки Кавказа ценились на международном рынке рабов очень высоко — почти так же, как русские рабыни».[15]

Обосновавшись на южном побережье полуострова, генуэзские купцы стали подталкивать Мамай, крымского «беклярбека» (наместника) Золотой Орды и «тёмника» (предводителя многочисленного войска), к военному походу на Русь, обещая материальную поддержку. По его советам, золотоордынский хан Тохтамыш заключил с генуэзцами договор, согласно которому за богатыми купцами закреплялось южное побережье Крыма от Чембало (Балаклава) до Сугдеи (Судак). Эта зона называлась «Капитанство Готия», хотя она была предметом постоянных конфликтов между княжеством Феодоро и подневольной Кафой (Феодосией). Когда Мамай стал формировать армию для наступления, русичи, объединившиеся вокруг Московского царства, смогли противопоставить ему равное по количеству войско.

В 1380 году состоялась знаменитая Куликовская битва, одно из крупнейших сражений во всей истории Средних веков, где Русь одержала великую победу над Ордой. Дорого досталась она нашему героическому народу. В неравном бою были убиты десятки князей и панов, сотни знатных бояр из многих городов. Всего погибло дружины 250 тысяч человек! А татар пало бесчисленное множество.

Крымское ханство и подъем Османской империи

Одновременно с возвышением Москвы к югу от Черного моря зарождалась и крепла новая мусульманская держава. Из небольшого государства турок сельджуков, расположенного в Малой Азии, в годы правления султана Османа (1283—1326) сложилось сильное военно-феодальное государство. Благодаря постоянной внешней экспансии и союзной поддержке многочисленных мусульман, менее чем за два столетия оно выросло в мощную Османскую империю.

На севере эта исламская держава увидела свои интересы на территории Крымского ханства, которое возникло в 1441 году в результате распада Золотой Орды. В период расцвета ханство

Крымское ханство в XV-XVII века

включало в свои владения не только Таврический полуостров, но также Кубань, приазовские и северно-причерноморские степи, вплоть до Дуная. Первым крымским ханом стал победивший в междоусобной войне Хаджи Гирей. Значительную роль в его возвышении сыграло Великое княжество Литовское и Московское государство, которые вели борьбу с золотоордынским ханом. Однако вскоре Хаджи Гирей присягнул на верность Османской империи.

В ханском Крыму, ставшем преемником ордынской политики по отношению к Руси, работорговля процветала. Она обогащала и местных хозяев, и посредников-перекупщиков. Венецианский купец Эмануэле Пилоти свидетельствует, что в Александрию в начале XV века ежегодно доставлялось около двух тысяч невольников, большая часть которых была куплена в Кафе агентами египетского султана. Любопытно заметить, что в то время в состав государства Мамлюков входили территории нынешней Палестины и Израиля.

В 1453 году произошло событие мирового значения. Турки-мусульмане захватили Константинополь (Царьград) и, покорив византийцев-христиан, основали там свою столицу под названием Стамбул. Со Святой Софии и других православных храмов были сняты кресты, а сами церкви были либо разрушены, либо превращены в мечети.

Через двадцать лет, в 1475 году, турки с флотом около 500 судов вторглись в Крым, изгнали генуэзцев и подчинили себе местных татар. Вся система европейских колоний в Северном Причерноморье была упразднена. Под власть Порты попали

Тамань, Азов, Анапа; в Крыму — Керчь, Кафа, Судак, Чембало. Торговые центры перешли в собственность султана. Завоеванная Кафа, по-турецки Кефе, превратилась в военно-административный форпост Османской империи, «Малый Стамбул». Вся религиозная и хозяйственная жизнь в регионе контролировалась турками, поэтому Чёрное море (Понт) стали называть «внутренним озером» Османов. Поскольку стратегически важный пролив Дарданеллы между Европой и Азией полностью принадлежал султану, то генуэзцы вынуждены были платить ему за право торговать с внешним миром огромную пошлину – 3000 золотых дукатов.

Одновременно турецкая армия захватила в Крыму столицу христианского княжества Феодоро — Мангуп, основанного готами, племенем древнегерманского происхождения. Всё население Мангупа — 15-20 тыс. человек — было вырезано или уведено в рабство. Впоследствии жители княжества — 150-200 тыс. человек — были исламизированы и ассимилированы. От племени готов остался только диалект восточногерманского языка, бытовавший ещё некоторое время.

Вся Таврика была разделена султаном на две основные части. Лучшие по климату и наиболее прибыльные, с экономической точки зрения, земли черноморского побережья достались османам, а глубинные, степные зоны «Дикого поля», вплоть до Дуная, Днепра и Кубани, по-прежнему принадлежали кочевым племенам татар. Оттуда совершались регулярные походы степных орд в Европу.

Генуэзская крепость в Судаке (Сугдее). Художник К.Боссоли. XIX век

После стратегически важного «стояния на Угре» в 1480 году, когда войско великого князя Московского Ивана Васильевича остановило продвижение татарской армии с Востока, Менгли Гирей совершил набеги в Подолье за ясырьём, завоевал и разграбил Киев, а затем организовал налёты на Волынь.

По военным соображениям, Крымское ханство объединилось с Молдавией – вассальным государством османов на юго-востоке Европы. В 1498 году мощная татаро-молдавская армия вторглась в Галицию с целью получения добычи и захвата пленных. Завоеватели покорили города Перемышль, Ярослав, Переворск, подошли ко Львову. Разорив множество близлежащих деревень, они убили и угнали в рабство огромное количество пленных. По некоторым оценкам, около 100 000 человек были захвачены в ходе этого масштабного нападения.

Через два года татары атаковали города Слуцк, Пинск, Туров и Минск, а затем снова пошли в польские владения. Застигнутые врасплох славяне не смогли сдержать грозную рать. В результате захватчики вернулись в Крым с богатой добычей, включая 50 000 христианских невольников.

С начала XVI века каждое десятилетие, а иногда и чаще, организовывались всё новые и новые походы крымских татар на север, разнообразные по своим маршрутам (шляхам), но одинаковые по сути. Они осаждали Чернигов, брали Рязань, доходили до Белгорода, Курска и верховьев Оки. Ещё чаще случались нападения на Подолье, Волынь, Киевские земли, которые географически были ближе к Таврике. В качестве воевод выступали мелкие князьки-беи, целью которых тоже был разбой и добыча ясыря в польских и московских «украинах», то есть сравнительно небольших городах или слабо укреплённых сёлах.

Тактика набегов, облав и загонов с последующим пленением была хорошо отработана. Вот как её описывает современный историк военного дела. *«Если противник успевал собрать на границе войска, татары разделялись на несколько отрядов. Одни старались отвлечь внимание противника, другие — прорваться на неохраямом или плохо охраняемом участке границы. Передвигались быстро, с каждым всадником обычно шли ещё две свободные лошади. Прорвавшись в район, заселённый славянами, татары устраивали загонную охоту (облаву). Отряды распадалась по сельской местности, обходили крепости. Если сёла нельзя было взять сходу, их окружали, чтобы никто не ушёл, поджигали. Резали сопротивляющихся, грабили, уводили людей*

и скотину. Взрослых людей гнали, как скот, расставляли в ряды по несколько человек, связывали им назад руки сыромятными ремнями, сквозь эти ремни продевали деревянные шесты, а на шеи набрасывали веревки. Затем держа за концы веревок, окружали всех связанных цепью верховых и гнали по степи, подхлестывая нагайками. Слабых, немощных, больных по дороге «отсеивали» — перерезали им горло. Достигнув относительно безопасных земель, где их не могла настичь погоня, сортировали и делили «товар». Оставшихся пожилых людей, заболевших отдавали молодежи — для «тренировки», на них набивали руку, изучая ремесло убийцы, или просто забивали камнями, топили». [16]

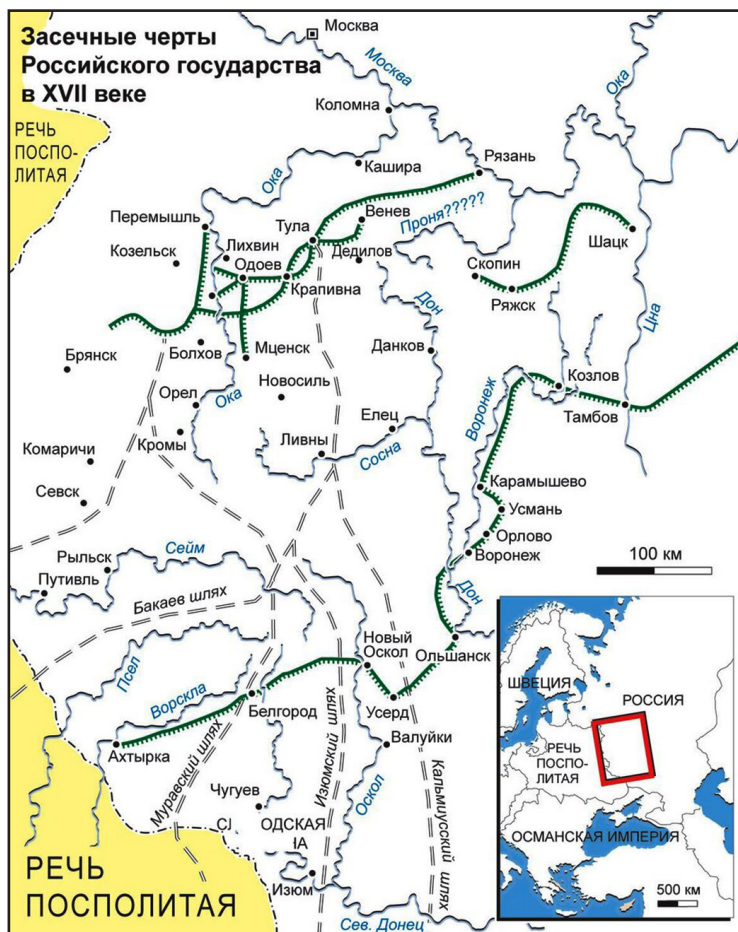
Запасные лошади везли оружие, пропитание, грузы или товары, а обратно — захваченных пленников и трофеи. Если армия состояла из 80 тысяч человек, то табун лошадей насчитывал в целом не менее 200 тысяч скакунов. В случаях, когда для ясыря не хватало сёдел, татары нанимали специальных погонщиков для пленных людей, формировавших длинные колонны.

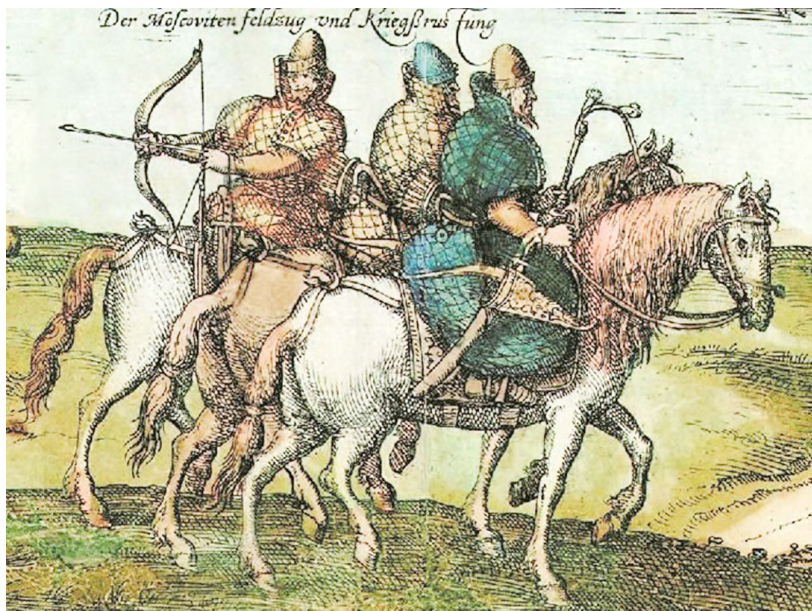

Погонщик ведёт невольников в Крым. Рисунок XX века

Южная стратегия Московского царства

Жестокая тактика кочевников вызывала гнев православных русичей, требовала последовательных контрмер. Нужна была хорошо продуманная система обороны. В XIV веке великий князь владимирский и московский Иван Данилович для защиты южных рубежей возвёл оборонительную линию, состоящую из так называемых «засек», тянущихся от реки Ока к реке Дон и далее к Волге. Вдоль границ выстроилась «засечная стража» из подготовленных воинов. Кроме того, местных крестьян постоянно привлекали для постройки или ремонта оборонительной линии. К середине XVI века была создана «Большая засечная черта» протяженностью в 500 км.

Русская конница. Миниатюра из книги Герберштейна. XVII век

Засечные линии помогали предотвратить неожиданные набеги на русские города по проторённым маршрутам агрессоров. Однако они не могли сдержать наступление больших армий, как это было, например, во время походов Махмет-Гирея и Девлет-Гирея.

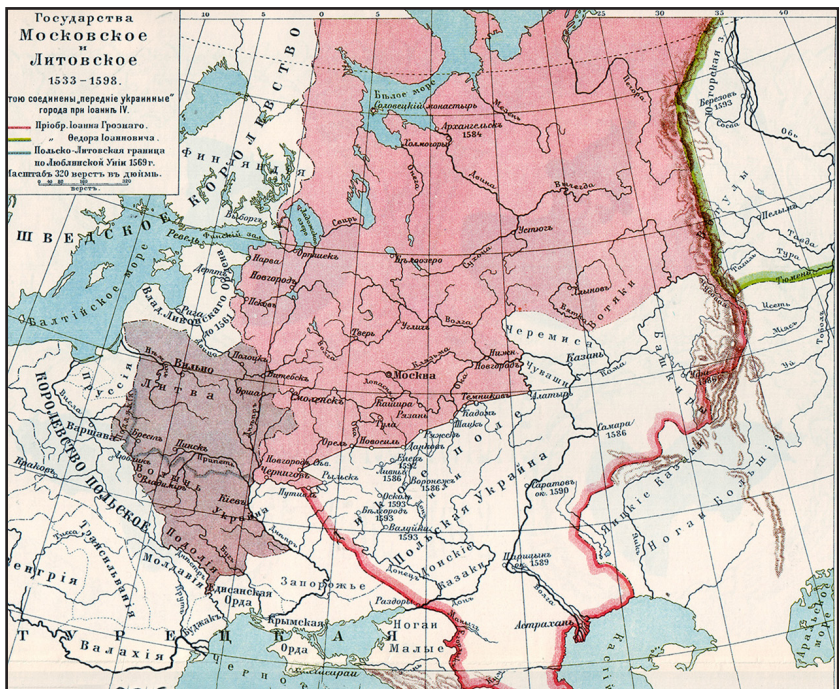
Редкие периоды перемирия были связаны с решением взаимовыгодных интересов воюющих сторон. После заключения в 1472 году династического брака между великим князем Иваном III и византийской принцессой Софьей Палеолог московская политика стала меняться. Иначе стали себя вести и крымские татары, попавшие в прямую зависимость от султана. Наметилось сближение между русским царём и ханом Менгли-Гиреем на платформе противостояния Литовскому княжеству в его экспансии на юг. Дело дошло до того, что против общего недруга в лице короля Казимира из династии Ягеллонов в 1482 году был организован по обоюдному согласию крупный поход крымцев. *«Менгли-Гирей послушался, овладел Киевом, увел в плен жителей, другие задохнулись в пещерах, Печерскую церковь и монастырь разграбил и из добычи прислал в Москву великому князю золотой дискос и потир из Софийского собора»*, – так резюмирует эти события историк С.М. Соловьёв. [17]

Подобные политические союзы иногда подкреплялись дипломатическими браками, как это было в случае с крымской царицей Нур-Султан. После смерти своих мужей, казанского хана Халилия и его брата Ибрагима, она возглавила промосковскую партию при дворе. Отдав своего старшего сына Мухаммед-Амина на службу русскому князю Ивану III, царица переехала в Крым, где снова вышла замуж за хана Менгли, династии Гиреев. Эта семейная дипломатия завершилась подписанием мирного договора между Москвой и Казанью, который сохранялся до 1513 года. [18]

Однако временное добрососедство продолжалось недолго. После смерти Ивана III и воцарения в Кремле его молодого преемника Василия Ивановича ситуация снова стала меняться. В 1521 году войско крымского хана Махмет-Гирея, используя политически выгодный момент, нарушило перемирие. Был предпринят масштабный поход, сначала на Казань, которая сдалась крымцам без боя, потому что это был обходной маневр, а затем общим войском – на Русь. Стотысячная армия, состоявшая из татар, литовцев и турок, дошла до самой Москвы. Не касаясь хорошо укрепленных городов, в течение нескольких дней агрессоры разоряли окрестные земли, убивая и похищая людей. Местные жители в ужасе стали искать защиту в Кремле и стремились спрятаться за высокими стенами, переполнив его сравнительно малую площадь до небывалой давки. Лишь после получения откупа от великого князя Василия III, крымский хан отступил.

Тем не менее, последствия такого «мирного соглашения» были катастрофическими. Современники сообщают, что Махмет-Гирей в союзе с казанцами увел в полон несколько сот тысяч пленников. По словам летописца Острожского, опиравшегося на польскую хронику Бельского, *«он забрал более 300 000 заключенных из Москвы»*. Другой современник, австрийский посол Сигизмунд фон Герберштейн в своих знаменитых «Записках» утверждает, что крымский хан *«захватил так много невольников из Московии, что это кажется невероятным. Говорят, что их число превысило 800 000 человек. Отчасти он продал их туркам в Кафе, отчасти перебил»*. [19]

Большинство исследователей считает упомянутую цифру явным преувеличением, основанном на слухах. Ведь в то время население самой столицы составляло примерно 100 000 человек, а у страха глаза велики. Однако надо понимать, что в текстах XVI века под Московией подразумевается всё русское царство, широко распространявшего свои владения в ту эпоху на восток и юг. Только за годы правления Иоанна Грозного число подданных

Московское царство и Великое княжество Литовское в XVI веке

православного Государя увеличилось с 8 до 12 миллионов человек. Кроме того, упоминание огромного количества пленников и жертв татарских ханов служило на дипломатических переговорах сильным аргументом для формирования стратегии общехристианского фронта против возрастающей мощи Османской империи.

О несметном количестве рабов, доставленных в крымские крепости из разных мест, есть красноречивое высказывание очевидца, еврея-сборщика пошлин. Находясь у ворот, ведущих за Перекоп, он был настолько удивлён бесчисленному потоку невольников, постоянно приводимых с захваченных татарами земель, что стал спрашивать литовского посла: *«Откуда берётся такое их множество? Осталось ли ещё сколько-нибудь людей в вашей стране, или их уже совсем нет?»*. [20]

Всего за первую половину XVI века на русское государство было совершено 48 набегов. Чтобы охранить себя от смертельной опасности, русские стали добиваться различными средствами ослабления стратегического союза мусульман. Одновременно православному царству приходилось противостоять крымцам, Казанскому ханству, Ногайской Орде и их союзнику — Польско-

Литовскому княжеству, позже создавшему единое государство Речь Посполитую. По сути для православных война шла на три фронта одновременно!

В качестве примера можно привести совместный поход 1540 года татар и их союзников во главе с казанским ханом Сафа-Гиреем. Ополчившись на Русь, он повёл за собой всю орду, оставив на полуострове только женщин, стариков и малолеток. Под мусульманскими знамёнами воевали ногайцы, кафинцы, азовцы, астраханцы, аккерманцы, казаки, а также европейские союзники султана в лице князя Семёна Бельского, перебежавшего из православного царства на сторону католической Литвы.

Царь Иван Грозный вступает в завоёванную Казань.

Иллюстрация XIX века

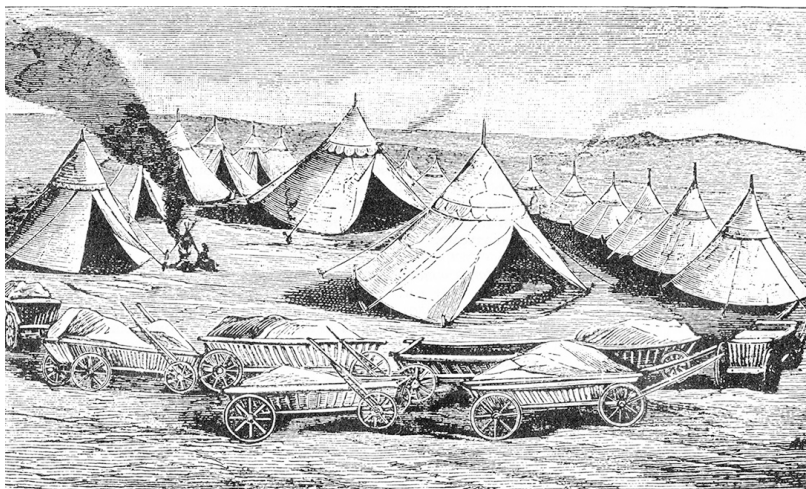
Поскольку на юге Руси силы были неравными, а с Востока шла постоянная военная помощь татарам, царь Иван Грозный организовал наступление на мусульман в Поволжье. Он силой добился подчинения сначала Казани (1552), а затем и Астрахани (1554). Русская армия числом 150 000 человек несколько недель осаждала Казань. В конце концов татары были вынуждены сдаться. После этого реванша Иван Грозный провозгласил покорённый город христианским форпостом, а в Москве в честь одержанной победы царь повелел возвести собор Покрова Пресвятой Богородицы, известный во всём мире как храм Василия Блаженного.

В память о благоверных князьях и христолюбивых воинах по инициативе митрополита Макария в эпоху Ивана Грозного было утверждено молитвенное правило. По всему царству велено служить в церквях панихиды и обедни *«по всем благоверным князьям и бояром и христолюбивому воинству, и священническому и иноческому чину, и всем православным Христианом, от иноплемennых на бранех и на всех побоищех избивенных и в плен сведенных, гладом и жаждою, наготою и мразом и всяческими нуждами измерших, и во всех пожарех убиенных и огнем скончавшихся, и в воде истопших, всех православных христиан»*. [21]

В следующем году по направлению к Крыму двинулась армия воеводы Ивана Васильевича Большого (Шереметева). По различным источникам, она насчитывала от 9 до 15 тысяч воинов. Им не удалось застать правившего тогда хана Девлет-Гирея врасплох. В ответ крымцы организовали новый поход на Русь, выставив вооруженную орду в 60 тысяч человек. Битва неравных сил состоялась 3 июля 1555 года у села Судьбищи, в 150 км от Тулы. Русские отряды атаковали крымский авангард, нанесли ему поражение и захватили знамя. Два дня они держали оборону, пока не подошло подкрепление царских войск из Москвы. Кочевники были вынуждены отступить со своей ордой в степные просторы.

Лавирование казачества между державами

Общеизвестна боевая слава казаков, особого воинского сословия многоликого национального состава. Их генетические корни уходят в скифскую и сарматскую эпоху, поэтому учёные говорят об особом субэтнотипе в рамках исторически сложившегося русского народа. Казачество в его современном понимании сформировалось на южных границах Руси из вооруженных наёмников, крестьян-переселенцев и беглецов от польских панов и московских бояр. К концу XV столетия они основали

Казачий табор. Иллюстрация XIX века

военизированные станицы типа пограничных застав на территории Причерноморья, установив там свои законы и обычаи на основе Православной веры.

Московское царство решило сделать казачьи земли буфером между Русью и Османской Империей. Польское королевство тоже использовало казаков как союзников, не только против Стамбула, но и против Москвы. Обе державы признавали независимость казачества в обмен на военную службу. Храбрых всадников нанимали за внушительное вознаграждение, чтобы они противостояли татарам во время их набегов и способствовали возвращению похищенных христиан.

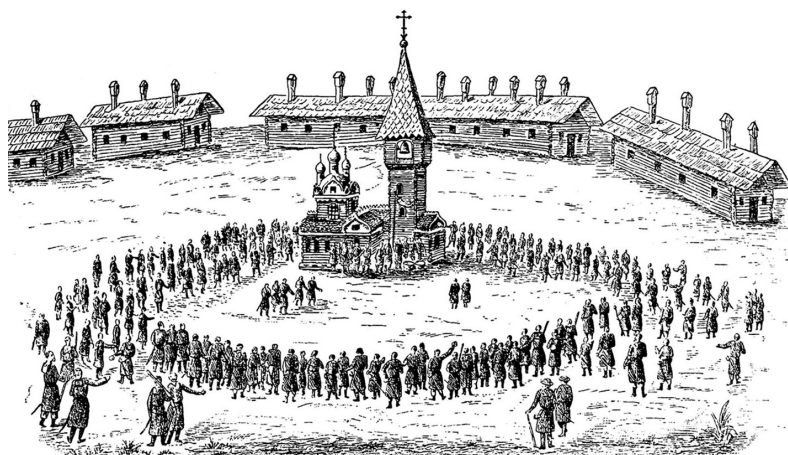
Вольное казачество постепенно выработало свою стратегию и тактику лавирования между великими державами. Донское войско, сговорившись с запорожскими черкасами, самочинно организовывало разбойные нападения на причерноморские владения турков, захватывали их корабли и громили каторги. Без согласования с православным царём казаки регулярно осаждали Азов, другие города и крепости, вплоть до Каспийского моря и Урала. Послы султана постоянно жаловались на беспорядки в землях, сопредельных его владениям, но Государь был глух к просьбам мусульман очистить путь от Астрахани до Ногайской орды.

Действия казачьего войска бывали жестокими, но с военной точки зрения эффективными, поскольку строились на тактике неожиданных атак, поджогов и диверсий. Спускаясь по Днепру и Дону на легких судах-«чайках», запорожцы обходили волоком

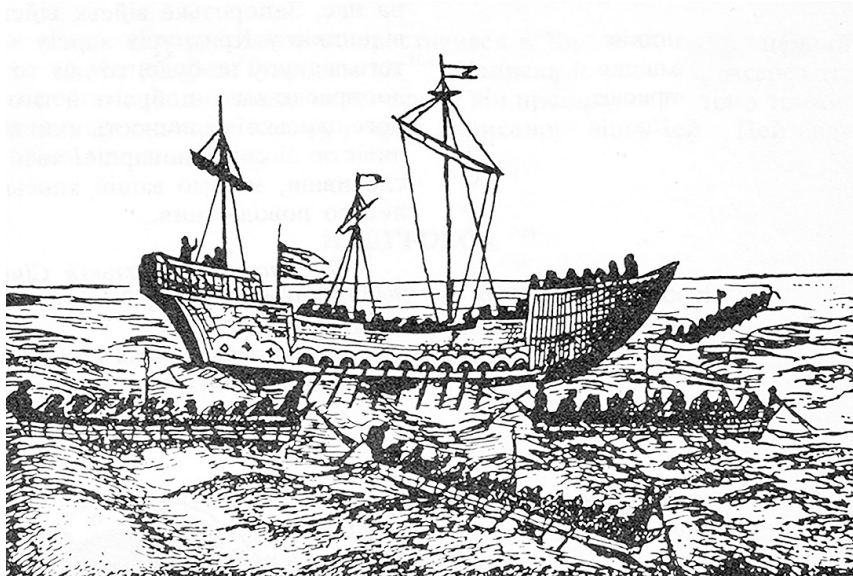
речные крепости-замки, а затем совершали периодические рейды по Крыму или западному побережью Понта, доходя до проливов. Москва тайно помогала воинственным казакам оружием и прочим снаряжением, хотя в дипломатии с султаном проявляла большую гибкость.

В 1556 году царь Иван Грозный задумал поход на Крымское ханство. По его указу воевода Ржевский по прозвищу Дьяк, на специально построенных ладьях вышел по Днепру к порогам, где к нему присоединились триста казаков. Общими силами они атаковали турецкие крепости Ислам Кермен и Очаков, отбили у неприятеля и пасущийся скот, взяли пленных. Когда подоспела помощь от хана, Ржевскому удалось уйти от преследования.

О молниеносной победе вскоре узнал не только русский царь из донесения своего наместника, но и соседние правители. Среди них был староста Канева, черкасский князь Дмитрий Вишневецкий, известный также под именем Байда. Избранный гетманом, он основал в том же году Запорожскую Сечь, о которой знают не только любители военной истории, но все, кто читал гениальный роман Гоголя «Тарас Бульба» или хотя бы смотрел фильмы на эту тему. На острове Хортица в среднем течении Днепра, где могучая река резко поворачивает на юго-запад, атаман построил первую крепость для защиты от татарских набегов. Байда был типичным выходцем из среды местных магнатов, мечтавшим создать для себя в Южной Руси независимое феодальное княжество, чтобы потом выгодно использовать противоречия между восточноевропейскими державами.

Казачий сход в Запорожской Сечи. Иллюстрация начала XX века

Казачьи ладьи атакуют турецкую галеру. Иллюстрация XIX века

Гетман Вишневецкий отправил в Москву челобитную грамоту с просьбой принять его с казаками на царскую службу. После многочисленных переговоров контакты запорожского казачества и русского правительства значительно укрепились. Они прошли испытание во время грандиозного вторжения хана Девлет Гирея в 1558 году. Тогда стотысячное войско татар дошло до Тулы, Каширы и Рязани, но было остановлено у реки Оки. Потом Байда начал активное контрнаступление, держа противника в постоянном напряжении. Весьма ярко он проявил себя в походах на турецкую крепость Азов, а в 1561 году совершил рейд по крымским владениям хана.

Не углубляясь в интриги, связанные с войной против Литвы, которая оказалась не очень успешной, обратим внимание на то, что русский царь не терял из виду южное направление в его стратегии. По благословию Ивана Грозного, полководец Данила Адашев начал успешные военные действия против объединённых сил татар. Особенно прославился он своим походом в Крым в феврале—сентябре 1559 года. С 8-тысячным войском воевода спустился на судах по Днепру от Кременчуга к Черному морю, захватил два турецких корабля, высадился на западном побережье Тавриды, разбил несколько татарских отрядов и освободил из плена многих соотечественников. [22]

Чтобы отомстить православным за поражение на Волге, крымцы выждали благоприятный для них момент и после серии сравнительно небольших набегов вступили в 1571 году в южные пределы Русского царства. С поразительной скоростью хану Девлет-Гирею удалось собрать 120-тысячное войско. Когда татары были уже под Серпуховом, Государь, будучи не подготовлен к сражению, вынужден был уклониться от боя и оставить столицу без обороны. Не встретив сопротивления, хан велел поджечь предместья города. Вскоре всё вокруг Кремля запылало красным пламенем. От деревянных посадов и Китай-города остались одни пепелища. Людей, включая воинов, мирных жителей и детей, погибло, по иностранным известиям, несколько сот тысяч!

На обратном пути ордынцы разорили юго-восточные области Руси. По подсчетам историков, около 150 000 русичей татары угнали пленными в Крым, а по их собственным данным – 60 тысяч невольников. В результате нашествия было ограблено и сожжено 36 городов! *“Жгу и пустошу всё из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество Божие”*, – сообщал через своих гонцов Девлет-Гирей. [23]

Даже если считать приведённую статистику преувеличенной, то следует признать огромные масштабы всенародной трагедии. В абсолютных цифрах людские потери были на порядок выше количества жертв от репрессий Ивана Грозного во время опричнины, а таковая оценивается историками в пределах 12-15 тысяч человек.

Только через год русские, подбодренные вестью о том, что крымский хан уже назначил в Москву своих наместников и вельмож,

Нашествие. Художник И. Глазунов. XX век

Битва при Молодях (фрагмент). Художник Д. Белокин. XXI век

смогли собрать войско для отпора агрессору. Этому способствовало составление первого русского Устава о пограничной службе. 2 августа 1572 года, князь Михаил Воротынский и воевода Дмитрий Хворостинин при неравных силах разбили 120-тысячное войско Девлет-Гирея около селения Молодь, под Серпуховом, там, где храм Воскресения. Крымский хан бежал, оставив на пути обозы с награбленным добром, татар и даже собственное знамя. Победа эта имела большое значение: Казань и Астрахань остались под опекой Великого Московского князя, Государя и Самодержца всея Руси. Волга отныне стала торговой русской рекой.

Неисчислимое количество бед причинили нашим предкам разрушительные набеги кочевников, которые продолжились и в следующие годы. Память о них жива не только в летописях и исторических книгах, но также в воспоминаниях зарубежных очевидцев. Посланник польского короля Мартин Броневский, дважды побывавший в Крыму в конце XVI века и знавший о тамошних порядках не понаслышке, характеризует татар следующими словами: *«Народ этот хищный и голодный, не дорожит своими клятвами, ни союзами, ни дружбою и живёт постоянно изменнической войной»*. Положение пленных, по его свидетельству, очень печально: *«их мучают голодом, наготою, а простого звания людей бьют плетью так, что несчастные сами желают себе смерти»*. [24]

В наше время, смягчённое христианской этикой и идеологией интернационализма, не принято делать резкие, категорические оценки целых народов. Это считается неполиткорректным, поскольку внутри любого этноса есть разные по характеру и убеждениям люди. Однако есть объективные факты, которые невозможно отрицать. Скажем, общеизвестно, что тюркские кочевники с древнейших времен почитали в качестве своего тотема степного волка (бозкурта). Его воспринимали как символ храбрости, силы, верности даже в те времена, когда язычество сменила мусульманская вера. В русской традиции волк имеет другое значение. Он – опасный, злой, лесной зверь, похищающий домашний скот. В народе говорят: *«Волк коню не товарищ», «волки чуют, где овцы ночуют», «волк и в овечьей шубе не укроется», а «с волками жить - по-волчьи выть»*. Понятно, что тут речь идёт не только о дикой природе, но и о людях, подобных в своих повадках хищникам. Так вот, именно эту черту жестоких кочевников-рабовладельцев подчеркивали очевидцы, свидетели и современники той эпохи.

Согласно придворному хронисту Реммаль-Ходже, к моменту смерти хана Сахиба Герая I этот монарх имел 3 тысячи рабов. Всего в Крыму к середине XVI века могло быть примерно 30 тысяч невольников. К началу воцарения Девлета Герая I (1550 г.) здесь проживало около 40 тыс. подневольных. Число рабов на полуострове менялось в зависимости от результата военных походов и условий жизни в самом Крыму.

Невольничий рынок в Кафе. Акварель. XX век

Рынок невольниц в Стамбуле. Художник Фабио Фабби. XIX век

Подавляющее большинство пленников продавалось, как уже было отмечено, на главном невольничьем рынке в Кафе. Оттуда они развозились в Турцию, Египет, Сирию, Персию и другие страны. Перед продажей пленников внимательно осматривали, с ног до головы, чтобы установить точную цену. Красивых девушек одевали в шелка, румянили, учили играть на кифаре и танцевать, чтобы продать подороже. Бывало, что к Стамбулу за день причаливало по три-четыре корабля с невольниками из Кафы.

От военных погромов татарских орд пострадала не только Московское царство. Агрессоры постоянно грабили и разоряли южные земли Великого княжества Литовского, то есть бывшую Русь. В одном только Подолье в период с 1578 по 1583 год около трети всех деревень были опустошены или заброшены.

Летом 1591 года крымский хан Казы-Гирей организовал очередной набег на окраины русского царства. Дойдя до реки Оки, он оттуда направился прямо на Москву. Однако в этот раз царь был вовремя предупреждён и распорядился собрать необходимое войско для обороны. Остановившись у Коломенского (ныне он входит в черту города), татары не решились «травиться» с русскими. При отступлении арьергардные отряды врага были разбиты наголову. Опьянённые сравнительно лёгкой победой, московские воеводы расслабились, неверно просчитав тактику сильного противника, который уже в следующем году начал контрастступление.

В «Новом летописце» под 1592 годом сказано: «Приидоша на государеву украину царевици крымские безвестно (то есть неожиданно) на Рязанские, и на Каширские, и на Тульские места; и воеваху те места и разоряху, и многих людей побиша и села, и деревни многие пожгоша; дворян и детей боярских с женами и с детьми, и многих православных крестьян в полон поимали и сведоша, а полону много множество, яко старые люди не помнят такие войны с погаными».

Обращает на себя внимание и сообщение татарских послов о том, что местные жители в этот раз не успели оказать сколько-нибудь успешного сопротивления: «Такой войны нашим людям не бывало никогда: наши люди ни сабли, ни стрелы не вынимали, загоняли пленных плетми». [25]

В годы боярских заговоров, известных как «Смутное время», для крымских татар открылись новые возможности. После смерти Ивана Грозного созданное им государство вошло в полосу глубокого кризиса. Политические и экономические причины привели к тому, что в результате проигранной русско-польской войны Москва оказалась оккупированной интервентами, а в Кремле посажены самозванцы Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, мужья по расчёту коронованной царицы Марины Мнишек.

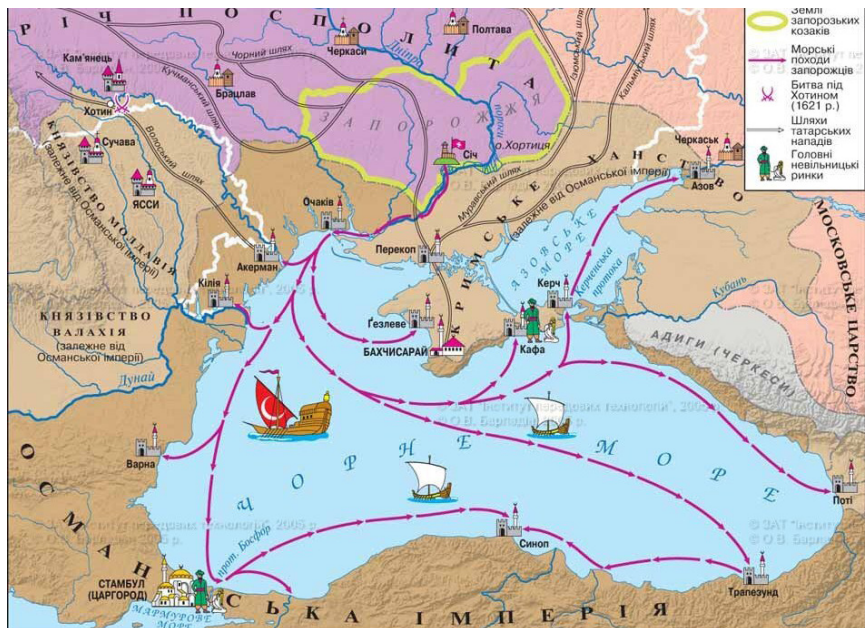

Невольничий рынок в Стамбуле. Художник Торнай Дьюла. XX век.

В 1607-1608 гг. Крымское ханство в союзе с Ногайской ордой возобновило опустошительные набеги на Русь. Собрав войско общей численностью порядка 100 тысяч, они разорили и сожгли многие поселения южной Руси, устроили «загоны» и угнали десятки тысяч пленных. Потом татарская армия пошла в сторону Москвы, перешла через реку Оку. Всё лето 1609 года неприятель провёл в разбоях и налётах в предместьях Серпухова, Тарусы, Боровска. За этими набегами последовало разорение Рязани в 1611 году.

Изгнание поляков из столицы народным ополчением Минина и Пожарского, а также избрание в 1613 году новой династии Романовых на царство решило многие проблемы, но смута на этом не завершилась. Не прекратились и вооруженные набеги татар. Уже в следующем году 20-тысячная ногайская орда в союзе с азовцами подступила к Москве, «повоевала» Курск, Рыльск, Карачев, Брянск, а затем с новой силой начала наступление вглубь Русского государства.

И здесь следует внести некоторую ясность в проблему казачьей стратегии, которая менялась в зависимости от исторических обстоятельств. Как мы уже знаем, к концу XVI века, Запорожское войско и Донцы представляли собой мощную силу, с которой

Морские маршруты запорожцев в XVII веке

Казачьи ладьи, прозванные “чайками”

вынуждены были считаться даже крупные державы. Общее количество казачьей армии в периоды подъёма движения достигало десятков тысяч бойцов, как конных, так и пеших. Особенно досаждали brave казаки туркам, постоянно беспокоя их на морском побережье. В ответ войска Османской империи напали на Запорожскую Сечь и уничтожили сеть пограничных укреплений. Казачество вынуждено было перенести свою столицу на остров Базавлук (Чертомлык) и временно отступило.

В условиях резкого ослабления Московского царства и расстройств системы заречных крепостей казаки решили в очередной раз продемонстрировать свою силу. После успешного сражения с татарами под Белой Церковью запорожцы совершили дерзкий рейд в Крым. В 1616 году войско гетмана Конашевича Сагайдачного захватило Кафу, часть турецкого флота, а затем подвергло набегам Трапезунд, Синоп и Стамбул. В результате победоносных налётов были освобождены из плена тысячи рабов-христиан.

Казалось бы, Русь получила в лице казачества верного союзника? Ан, нет! Уже в следующем году гетман Сагайдачный, получив от поляков мзду в 20 000 золотых монет идёт вместе с запорожцами на Москву под знаменем королевича Владислава в качестве его наёмной армии. Поход оказался не очень успешным, поскольку агрессора остановили под Воронежем, но атаман не успокоился и уже летом 1618 года предпринял новое наступление с черкасской конницей. Разорив Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь, казаки появились у Донского монастыря (теперь он тоже в черте

столицы), где в ходе переговоров стали навязывать москвичам подданство польского короля. До воцарения очередного самозванца, слава Богу, не дошло, но по итогам всех военных действий, народных волнений и дипломатических договоров, русским пришлось уступить Смоленск, Дорогобуж, Рославль, Муромск, Чернигов, Новгород Северский и некоторые другие города. Это были огромные потери!

Вот как описывает последствия польско-казачьего вторжения летописец: «полковник пан Со[г]адачной... Ливны приступом взял, и многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посек неповинно, и много православных христиан поруганья учинил и храмы божия осквернил и разорил и дома все христианские пограбил... и многих жен и детей во плен поймал».

Гетман Сагайдачный. Гравюра XVII века

Только в приграничном Ельце и Елецком уезде казаки захватили около тысячи детей, подростков и юношей в возрасте от 9 до 20 лет, которые стали рабами в неволе или для продажи. [26]

Описанный поход гетмана Сагайдачного не был исключением из правил. Подобные ситуации случались также после Конотопской битвы и Чудновского сражения, в результате которых крымцы и казаки захватили большой ясырь.

Как мы видим, в данной ситуации наёмные казаки выступали не в роли спасителей православных, а наоборот – их губителей. Они занимались таким же разбоем, как и крымские татары, включая массовые насилия и торговлю пленными. Бывало, что польские воеводы отнимали у казаков часть добычи, трофеи, коней

или пленных. В таких случаях захваченный ясырь сопровождал к коронному гетману так называемый «жолнер». В целом масштабы рабовладения у запорожцев и черкасов были значительно меньше, чем у ордынцев.

За первую половину XVII века степняки угнали в полон около 200 тыс. людей из Русского государства. Число погибших на войне и от свалившихся бед было значительно выше. Однако ещё более страшный урон был нанесён южнорусским землям, подчинённым польско-литовскому королевству. Они не имели такой развитой системы обороны, как города Московского царства, поэтому оказались менее защищенными.

Статистика потерь не одинаковая и противоречивая в различных источниках. По одним оценкам, с конца XV по конец XVIII века было совершено 75 крупных набегов на польско-литовские владения. По другим сведениям, только с 1605 по 1644 год в Речь Посполитую татары вторгались с военными целями не менее 75 раз. Есть данные, что за четыре года, с 1654 по 1657, из польской «украины» угнали в рабство более 50 тыс. человек, а в 1676 году около 40 тыс. человек были похищены с территории Волыни, Подолья и Галиции. Если исходить из средней цифры в 10-20 тысяч угнанных в год, то в целом набирается сумма порядка миллиона человек. [27]

И поток невольников не прекращался! Это привело к тому, что к 1680-м годам Правобережная Украина практически обезлюдела, а все крымские порты наполнились «живым товаром». В тот период времени большая часть людей, проходивших через Крым, были не татарами, а невольниками-славянами. Вот почему Кафу как главный центр работорговли называли «*пучиной, поглощающей кровь христиан*».

Система выкупа и обмена пленных

Русским князьям и польским панам иногда удавалось выкупить лучших своих людей, попавших в рабство. Сумма выкупа доходила от 25—40 до 100 и более золотых рублей, что по тем временам было большой суммой денег.

В середине XVI века царская дума приняла специальный закон «Об искуплении пленных». При обсуждении этого вопроса на Стоглавом соборе 1551 года отмечалось, что невольники в Царьграде и в Крыму должны выкупаться царскими послами за счет государственной казны. Фонд для вызволения из плена малоимущих формировался за счет взносов, типа налога на «*полюняничные деньги*». Общая сумма собранных средств

составляла порядка 150 тысяч рублей ежегодно. Для выкупа на границе между Московским княжеством и Крымским ханством, на Дону, в Белгороде, в Валуйках и в ряде других пограничных мест, устанавливались специальные обменные пункты, где дежурил *«разменный бей»*.

Хотя формально речь шла именно об обмене пленными, фактически всё сводилось к выкупу невольников за деньги. Татары прямо говорили, что «в размене прибыли нет, выгода только одному хану; прибыльнее нам пленников отпускать с посланниками и брать на них откуп в Москве». [28]

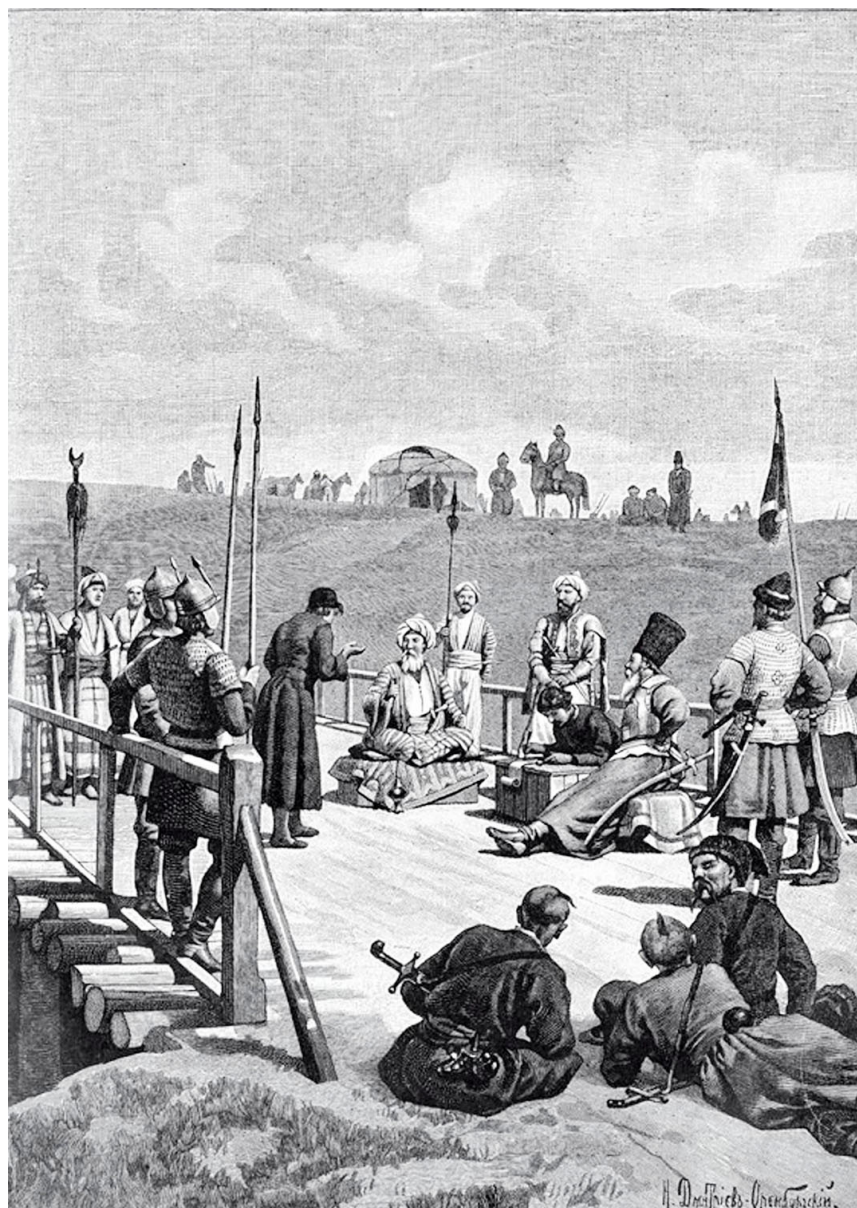
В Соборном уложении 1649 г., то есть через столетие, утверждалось, что отныне денежный сбор становится подворным и обязательным для всех как государственный налог. Централизованно фиксировались цены, по которым следовало выкупать пленников: за московского стрельца — 40 руб., за стрельца и служилого казака «украинных городов» — 25 руб., за посадского человека — 20 руб., за пашенного крестьянина и за холопа — 15 рублей. Размер выкупа дворянина или боярина, равно как и их детей, определялся количеством земель владельцев, отчего сумма иногда достигала огромных денег. [29]

Известно, что Иван Грозный с неохотой заплатил 2000 рублей за пленного опричника Ваську Грязного, которого татары предлагали обменять на мурзу Дивея Мансура, потому что это был особый случай.

Именно в первой половине XVII в. система государственного выкупа пленных стала активно развиваться, что хорошо видно в дошедших до нас документах Посольского приказа, где четко прослеживается последовательность действий московских дипломатов.

Как правило, у посланников была с собой *«роспись людей»*, которых следовало разыскивать целенаправленно. Главным образом речь шла о военных людях, попавшие в плен на царской службе. Одновременно говорилось и про тех, *«которые сверх той росписи в Крыме есть»*, следовало *«проводывать всякими мерами накрепко»*.

Итогом большой подготовительной работы было составление специальной *«росписи»*, где отражались имена пленных и договорные цены выкупа за каждого из них. Роспись отправлялась в Посольский приказ, откуда выделялись деньги на выкуп. «Полоняничная роспись» являлась своего рода обязательством государства перед невольниками в том, что их будут разыскивать и выкупят.

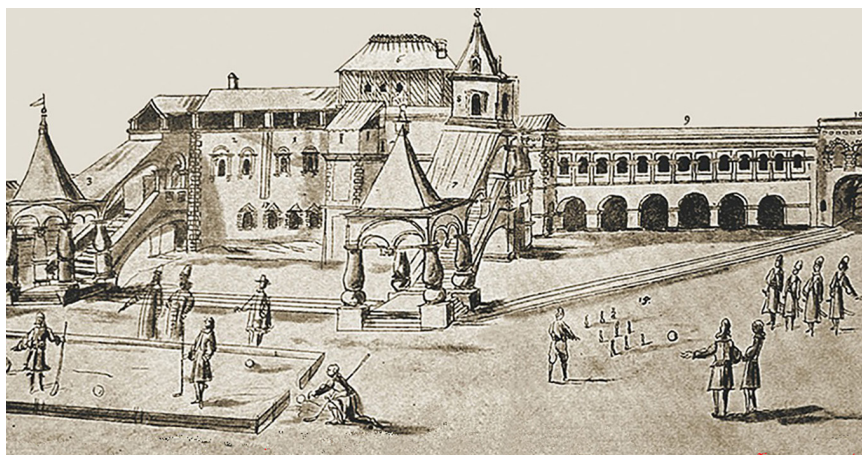

Разменный бей. Иллюстрация XIX века

«Ничего подобного такой государственной системе выкупа в других государствах, страдавших от набегов за рабами (Польша, Италия, Испания, некоторые страны Леванта), мы не находим. Это — характерная черта особого типа общественного устройства, сложившегося в Московском царстве. Закрепление в законодательстве полоняничного налога как общегосударственной «милостыни» и сформировавшаяся со временем система выкупа пленнных отражают взгляд на это явление как на общее дело государства и всего народа», — пишет в своих выводах исследователь данной темы Вячеслав Жуков. [30]

Независимо от выкупов за освобождённых пленных, Москва продолжала выплачивать хану дань в виде так называемых «поминок» (дорогих подарков). Начиная со времён князя Василия III, ценные дары посылались с дипломатической службой в первую очередь наиболее знатным татарским семьям, так называемым «карачи», а в эпоху Османской империи выплачивалась наместнику султана и его окружению. Сумма постоянно росла. Если в 1519 году выплата составляла 900 рублей, то в 1593 году, после устрашительного похода крымцев на Москву, пришлось заплатить хану уже 27 тысяч.

Неоднократно бывали случаи, когда ханы или их послы открыто, порой нагло, требовали для себя и своих подчинённых себе и своим подопечным большие взятки золотом, серебром, дорогими шубами и мехами. По сведениям историков, только за первую половину XVII века на «поминки» было израсходовано из московской казны около миллиона рублей, примерно по 26 тысяч

Посольский приказ в Москве. Гравюра XVII века

Костюмы московской знати и татарского воина. Гравюра XVII века

рублей в год. За эти деньги тогда можно было построить 4 новых города. Огромную дань продолжали выплачивать и после Ивана Грозного, в Смутное время, при первых Романовых, вплоть до Петра I. [31]

Если в Русском царстве сложилась уникальная система централизованного выкупа пленных в форме «государственной милостыни», то в западной Европе законодательство развивалось в противоположном направлении. Из года в год юристы под давлением рабовладельцев всё более ужесточали права невольников. А в случае бегства рабов, все заботы на их отыскание и возвращение хозяевам брало на себя местное правительство. При Карле V был создан специальный штат полицейских и установлен надзор на границах. Помимо этого, назначалось вознаграждение за поимку беглецов.

Нотариальные акты Руссильона, старинной провинции между Каталонией и Провансом, сохранили подлинные истории славянских рабынь, купленных через морскую торговлю: *«Освобождённая в 1465 году русская рабыня Мария обязана была, например, служить своему господину в течение двух лет. На одну сарацинку, освобожденную «по Божьей милости и из сострадания» (pour amour de Dieu et par piete), была возложена обязанность уплатить сполна всю ту сумму, за которую она была куплена, и сверх того ещё и прослужить даром в течение одного года».* Другая корыстная история, засвидетельствованная в том же источнике, произошла, когда некий сеньор Коррион из Перпиньяна продал свою рабыню по имени Катерина на 3,5 года гражданину Беллоку, публично обещавшему вступить с ней в брак. И таких случаев было немало. [32]

Реальные истории невольников

Из школьных учебников мы знаем о крестьянских восстаниях, которые случались в связи с несправедливостями помещичьего строя, в том числе «крепостного права» как одной из форм эксплуатации подневольных людей. Один из таких бунтов в 1606-1607 годах возглавил донской казак Иван Болотников. Масштабы восстания (по-русски «крамолы») были настолько велики, что они вылились в настоящую войну на классовой основе. Вооружённые отряды, собранные Болотниковым из холопов, крестьян и казаков, дошли с локальными победами до самой Москвы. Мятежник дважды атаковал столицу с повстанцами, составлявшими в разное время ополчение от 10 до 40 тысяч человек, пока не был разбит регулярной армией воеводы Ивана Воротынского, а затем войсками Василия Шуйского.

Вместе с тем, в судьбе Болотникова есть эпизоды, представляющие интерес именно для нашего исследования. Дело в том, что Иван Исаевич ещё в молодости бежал от своего господина в степь к казакам. Отсюда он попал в плен к крымским татарам, и был ими продан в Турцию. Несколько лет невольник провёл на галерах в качестве гребца, но ему посчастливилось обрести свободу во время стычки османского корабля с христианским судном. После освобождения казак был направлен в Венецию, где

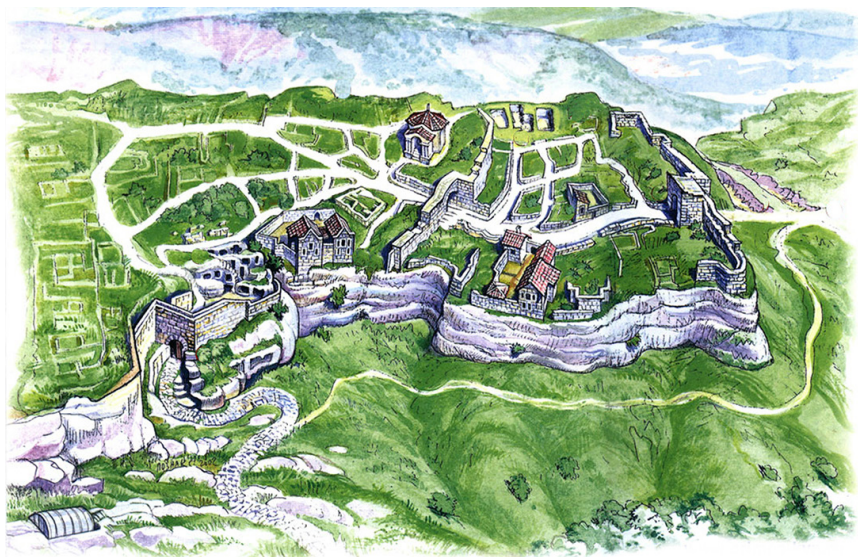
Иван Болотнигов преклоняет колени
перед царём Василием Шуйским. Иллюстрация XIX века

проживал в немецком подворье. И здесь начинается удивительная история заговора. Узнав каким-то образом об эпосе Лжедмитрия Первого, Болотников был втянут в авантюру, где ему предложили роль предводителя войска. Вот почему «крестьянский вождь» представлял себя «воеводой царя Димитрия», которому якобы удалось спастись с целью восстановления трона. [33]

Тайную подоплеку заговора имела также история Ивана Вергунёнка, полтавского казака, выдававшего себя за сына Лжедмитрия Второго и Марины Мнишек, то есть якобы наследником царского престола. Попав в татарский плен, он предлагал хану захватить Москву и посадить себя на трон. В 1656 году московские послы, стольник Телепнев и дьяк Кузовлев, живя в Кафе, узнали от архимандрита Иоакима, приехавшего из Царьграда, следующие подробности. *«Этого вора татары в полон взяли, тому лет шесть, и продали его в Кафу жида, и сказался вор жида, будто он московского государя сын, и жид стал его почитать. Когда вор в Кафе у жида сидел, сделал себе признак: дал русской женщине денег, чтоб она выжгла ему между плечами половину месяца да звезду, и то пятно многим полоненикам он, Вергуненок, показывал и говорил, будто он царский сын, и как он Московского государства достигнет, то станет их жаловать».* Это авантюристическое заявление привело к улучшению материального положения самозванца, и тот был перевезён из Кафы в Бахчисарай. [34]

Здесь можно упомянуть коротко ещё одного самозванца по имени Тимошка Акундинов, отбывавшего плен в бывшем Константинополе. Он называл себя сыном царя Василия Ивановича Шуйского и тоже обещал своим хозяевам золотые горы в случае освобождения. Однако его быстро раскололи, ибо речь у Тимошки была путанная, а аргументы – переменчивые. Вообще, в Стамбуле было очень много рабов, привезённых из Руси, особенно на галерах и в гаремах, что бросалось в глаза современникам тех событий.

Одним из самых знаменитых крымских пленников был Василий Борисович Шереметев, знатный боярин и крупный полководец, состоявший на службе у царя Алексея Михайловича. Во время похода на Речь Посполитую он потерпел поражение под Чудновом из-за измены казачьего гетмана Юрия Хмельницкого, сына Богдана-Зиновия Михайловича. Пленник был выдан поляками крымскому хану и провёл в заточении в пещерах Чуфут-Кале 20 лет, с 1660 по 1680 год. Татары требовали за Шереметьева огромный выкуп. Такую сумму, что её не смог заплатить даже московский Государь. Только в старости тяжелобольной и почти ослепший царский воевода был отпущен на родину.

**Боярин Василий Шереметев и крепость Чуфут-Кале, где он был заключен.
Гравюра XVIII века и современная реконструкция**

Вместе с боярином Шереметевым в заточении оказался князь Андрей Ромодановский и некоторые другие знатные деятели. Во время торгов молодой хан Салим-Гирей требовал за князя выкуп 80 000 ефимков и 60 пленных татар, на что тот отвечал, что больше 10 000 за него не дадут. *«Как не дадут? — изумлялись татары, — отец твой боярин и владеет всюю Украйною, коли с шапкой пойдёт, то соберёт больше 100 000».* *«Хотя бы хан велел меня замучить, но больше 10 000 не будет»*, — убеждал Ромодановский. В действительности, когда царю Алексею Михайловичу стало известно о пленении молодого княжича, он послал ему в помощь 50 золотых. [35]

Менее известна трагическая судьба Андрея Кологривова, рассказанная его женой Ксенией в челобитной грамоте. Старый воин, служивший ещё при Михаиле Фёдоровиче, *«был на многих государевых службах: на полевых боях и на приступах, в осаде сидел и бился с неприятельми государскими, и от многих ран кровь проливал, не укрывая лица своего».* В 1659 году в бою под Конотопом он попал в плен к татарам, где провёл семь лет. Мурза, добываясь выкупа в 1000 золотых, зверски пытал пленника: *«по всем составам разожжённым железом тёрли и мучили всякою жестокою мукою».* Не выдержав пыток, Кологривов пообещал вымолить выкуп и деньги на его содержание через родных. Но когда Ксения, распродала всё, что у неё было, заняла непосильную для неё сумму денег и передала мурзе через русского посланника Якова Якушкина, крымский хан приказал заключить подневольного в земляной погреб, а потом потребовал сумму в 20000 золотых. В конце концов, Андрей Кологривов скончался от пыток и горя. [36]

Кстати, подобные истории с непомерным завышением ставки на выкуп происходили и с христианскими пленниками из европейских стран. Именно так произошло с Мигелем Сервантесом, автором всемирно знаменитого романа «Дон-Кихот». Он попал в тюрьму к мусульманам, будучи пленённым во время сражения при Лепанто в 1571 году, то есть в ту же эпоху. Благородная манера речи заключённого вызвала подозрение у рабовладельца о его знатном происхождении, и хозяин стал вымогать огромную сумму денег. Пять лет рабства, три неудачные попытки побега, собирание выкупа и прочие мытарства, — всё это описано в пьесе Сервантеса «Алжирские тюрьмы», а также в самом романе «Дон-Кихот», который был задуман и начат великим писателем в неволе. [37]

Возвращаться домой удавалось немногим. Изредка десяткам или сотням людей, случалось бежать, но чаще всего они пропадали

без вести. Бывали случаи, когда на помощь приходили казаки. Один из них, помимо уже приведённых выше, связан с походом на Крым в 1575 году князя Богдана Ружинского, известного в народе как «Богданко». Проникнув за Перекоп, его бойцы атаковали многие города полуострова, освобождая русских пленников и жестоко расправляясь в татарами. В этом легендарном походе сам Богданко погиб при штурме турецкой крепости Ислам-Кермен. После того казаки ещё не раз ходили в Крым, захватили, помимо пленников, более 40 000 голов лошадей и разного скота. В 1588 году, причалив на своих ладьях-чайках к берегу недалеко от Гёзлёва (Евпатории), они разграбили 17 татарских деревень, а затем и сам порт, превратившийся во второй по значению после Кафы рынок работорговли. [38]

Однако массовых освобождений пленных, как и групповых побегов, было не очень много. Часто беглецов настигали и в наказание отрубали ухо или нос. Один отважный невольник по имени Иван Семёнович Мошкин, отбывавший каторгу на галерах султана, отчаялся вырваться на свободу в одиночку и организовал восстание рабов. В результате более двухсот каторжан были освобождены, а их угнетатели схвачены вместе с богатыми трофеями. Этот реальный случай описан в нескольких воспоминаниях и сочинениях, объединённых в электронной публикации «Сказания о невольниках, освободившихся из турецкой каторги» 1643 года. Она проанализирована нами в обзоре документальных источников.

Русский пленник. Современный рисунок

Крепость Гёзлëв в XVII веке. Современная реконструкция

Много трагических историй рассказывали люди, чудом вернувшиеся из Турции и татарского Крыма: о тяжелых работах на галерах, о нечеловеческом отношении к рабам, о жестоких наказаниях и пытках православных христиан. Запорожских и донских казаков, воспитанных в условиях непрерывной войны с коварным соседом, до глубины души возмущали жестокости османцев. Понимая, что у русского царя недостаточно решимости для отпора агрессору, они продолжали организовывать самостоятельные набеги на приморские города, брали Азов, Кафу, Гёзлëв, другие порты, и при неравных силах одерживали блистательные победы.

В начале XVII века мощь крымских татар начала ослабевать, но набеги не прекращались. Вот известная статистика по отдельным годам и регионам: в 1612 году было захвачено 50 000 «поляков», в 1646 году - 60 000 «русских», а в 1648 году ещё 100 000 «поляков». Национальная принадлежность здесь указана современными авторами условно, поскольку речь идёт не об этносах, а о месте происхождения пленных, то есть о Литовском княжестве, Польском королевстве или Московском царстве.

Для наглядности напомним о том, что полное именование Литвы, которая стала частью унии под названием Речь Посполитая, было «Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское». Помимо собственно литовских владений оно включало земли Белой Руси, Малой Руси и Великой России, в частности, Смоленск, Брянск и Курск, а также Польши, Латвии, Эстонии и даже Молдовы. Исконно русские земли, попавшие под власть

Королевство Польское и Великое княжество Литовское. Карта XVII века

католической короны, именовали Литовской Русью. По своему культурному уровню «русская шляхта» и православное священство были даже выше господствующего этноса. Поэтому они имели особый статус внутри королевства. В 1632 году в сейм была направлена петиция, которая требовала, чтобы «народ наш русский пользовался принадлежащими ему правами и привилегиями». [39]

Что касается Крыма, то всего на территории полуострова в 1620 году находилось 90 000 невольников-христиан, а на 1640 года в европейской части Османской империи, Стамбуле и на флоте находилось 150 000 рабов из Речи Посполитой.

Когда последствия Смутного времени были преодолены, Москва в новых условиях пошла на переговоры с поляками, чтобы наладить общехристианский фронт против мусульманской агрессии. Во время посольства 1646 года они услышали такие аргументы: «Ибрагим султан велел сделать сто новых каторг [галер] и начал думать, какими пленными гребцами наполнить эти каторги, и послал к крымскому царю гонца с грамотою, чтоб шёл без всякого мешканья на Московское, Польское и Литовское государства и набрал полону на новые каторги: так теперь время великим государям христианским на крымского поганца для обороны веры христианской восстать; теперь время благополучное. Наш великий государь сильно думает о соединении с вашим великим государем на поганых агарян». [40]

У польских панов были весомые причины беспокоиться за судьбу своих соотечественников. В середине XVII века набеги на Речь Посполитую совершались постоянно, один за другим.

Восстание и общее наступление казаков

В ответ на тактическое сближение Москвы и Варшавы вольные казаки стали искать поддержку у Крымского хана. Атаман запорожских казаков Богдан Хмельницкий, возглавивший восстание против польских шляхтичей, в 1648 году сам поехал за Перекоп и присягнул Ислам Гирею, оставив в заложниках своего родного сына Тимофея. Благодаря напористости запорожцев и ощутимой военной помощи татар, длившейся шесть лет, Хмельницкому удалось одержать несколько блестящих побед у Желтых вод и Корсуня. В последней из упомянутых битв поляки потеряли 127 офицеров, 8520 рядовых, 41 пушку. Польские гетманы Потоцкий и Калиновский были захвачены в плен и отправлены крымскому хану.

*Хотели Ляхи з Козаков славу мати,
Аж Бог дал тому, хто ся вмеет смиряти;
Той вознес ныне смиренных Руснаков,
А гордых з престола низложи Поляков,
Богатых тищих отпусти до Криму,
Хотевших Руси наклонить до Риму.*

Богдан Хмельницкий пленил польских гетманов. Картина XIX века

В этом стихотворении из летописи Григория Грабянки, написанном на понятном для нас малорусском диалекте, прямо говорится, что Бог вознёс смиренных русичей (русаков) и наказал польских магнатов, стремившийся обратить руссов в католическую (римскую) веру. Об «украинцах» там речи нет.

Казаки не только Левобережной, но и Правобережной Украины, то есть пограничных земель Приднепровья, считали себя русичами, руссами, а своё отечество называли Русью. Когда Хмельницкий после новых побед триумфально въехал в Киев, его там встречали тысячи людей, как национального героя-спасителя и защитника Православия. Опьяненный победой, сам гетман стал говорить, что его, маленького человека по имени Богдан, избрал для подвига сам Бог. Он называл себя *«русским самодержцем»* и тожественно обещал *«вырвать из людской [польской] неволи весь русский народ»*. Хмельницкий грозил прогнать ненавистных ему польских оккупантов за Вислу, и мечтал включить в своё государство исконно русские города Львов и Галич. *«Польша сгинет, а Русь будет процветать»*, – таковы подлинные слова гетмана перед послами. [41]

Наступление запорожского войска, численность которого росла не по дням, а по часам, способствовала изменению вектора политики Москвы и заключению союза с православным казачеством. Это привело к знаменитому решению Переяславской рады 1654 года о подданстве казаков царю Алексею Михайловичу. Начался новый этап продолжительной войны между Русским государством и Речью Посполитой – за Смоленск, за Белую и Малую Русь.

Ситуацию усложнили антимосковские настроения части запорожцев во главе с гетманом Выговским, сменившим Богдана Хмельницкого после его смерти. В битвах под Конотопом и Чудновым объединённое татарско-казачье войско беспощадно разгромило царские отряды. Цена поражения была очень высокой: русским пришлось сдать Киев, Переславль, Чернигов, заплатить огромную контрибуцию. Русско-казачья армия потеряла 4200 убитыми, 4 000 ранеными и 20 500 пленными, среди которых был главнокомандующий, боярин В.Б. Шереметев.

Масла в огонь подлил король Ян Казимир, заключивший вскоре договор с татарами, позволявший им атаковать южную часть польских владений, с условием, что в плен они будут брать только украинцев и русских, то есть православных «схизматиков», но не поляков-католиков. В результате, после набега 1664 года ханские волки хвастались, что наиболее удачные из них угнали с собой в Крым по два-три, а иногда и более, пленников.

Вольное казачество, вдохновлённое успехами национально-освободительной войны против польской шляхты, демонстрировало свои силы, дразнило московского государя своими громкими победами, непредсказуемыми набегами и подталкивало к решению завоевать крымскую окраину Османской империи.

По всему христианскому миру гремела слава гетмана Ивана Дмитриевича Сирко (Сірко, Серко), который был кошевым атаманом запорожцев с 1654 по 1680 год, то есть целых двадцать пять лет. Во время смелых рейдов в Крым атаман возглавлял пешее или конное войско казаков, проходивших сушей через Перекоп, а не на лодочной флотилии, как это было при Сагайдачном.

Величественная драма произошла во время похода 1675 года. Проникнув на полуостров через Сиваш он вместе с войском совершил рейды в окраинах Гёзлёва, Карасубазара и Бахчисарая. После удачного сражения Серко освободил около семи тысяч пленных, взрослых и детей, родившихся в неволе и не знавших родины своих отцов. Некоторые из них не пожелали следовать за казаками и заявили, что хотят остаться у татар. Суровый атаман вначале отпустил их, но, когда те отправились в путь, приказал своим запорожцам перебить изменников. Сам же потом, склонившись над их трупами, промолвил: *«Простите нас, братья, да лучше спите здесь до Страшного суда Господня, чем было бы вам между бусурманами размножаться на наши головы христианские, молодецкие, да на вечную погибель, без крещения»*. [42]

Гетман Сирко освобождает русских пленников. Картина XX века

Эту трагическую историю можно было бы трактовать как месть или кару на религиозной почве, ведь во время похода атаман обратился в православие 1500 мусульман, захваченных в Крыму. Однако, историки показывают, что у Ивана Дмитриевича были и другие мотивации, связанные с привычкой к жестокой войне и тягой к навязыванию своей воли. Ему нравились авантюры, битвы, восстания. Его личный писарь свидетельствует, что *«только об одном [он] и заботится: как бы собрать войско да войти в города и завести там смуту»*.

Считается, что гетман Сирко, которого некоторые называли «русским чёртом», был лояльным московскому царю. Он даже письменно именовал себя его холопом, то есть верным слугой. Вместе с тем, атаман всегда был себе на уме, в духе казачьей вольности. Обращаясь к правобережному гетману Дорошенку, прямому противнику России, нашедшему покровительство у турецкого султана, он прямо заявлял: *«Если Москва на тебя наступит, то Войско Запорожское тебе поможет; клейнотов войсковых на за что Москве не отдавай»*. Под клейнотами подразумевались военные регалии и знаки отличия, такие как атаманская булава, полковые знамёна, хоругви, печати и т.п. [43]

Денежный интерес кошевого атамана, в том числе от продажи пленных за большой выкуп, становится очевидным после прочтения письма Ивана Сирко к «милостивому хану» по случаю «невольничьего татарского реестра» от 23 сентября 1675 года. В нём гетман напоминает условия выкупа: за первую тысячу человек – по 100 талеров, за вторую тысячу – 150 талеров, третью – по 250 талеров, ещё пятьсот человек – по 500 талеров, а оставшиеся пятьсот – по 1060 талеров. Коли хан не в состоянии выплатить всю сумму золотом и серебром, то ему позволено отдать половину выкупа «всякими крымскими товарами», в частности, дорогими тканями. Небольшая часть полученного богатства потом была отправлена в Москву в качестве подарка от запорожцев. [44]

Казачи продавали не всех пленных. Иногда они оставляли турецких детей у себя в качестве прислуги. В то время даже сложился своего рода обычай держать в доме турчонков, татарчонков или арапчонов, частично распространившийся на Россию. Знаменитый предок А.С. Пушкина, широко известный, как «арап Петра Великого», был как раз из той категории.

Особая история связана с именем Петра Суховея (Суховеенко), побывавшего и войсковым писарем, и гетманом запорожского войска, и крымским пленным. Судя по всему, он был в центре татарских интриг против Сирко и Дорошенко. Когда Суховой

проиграл сражение под Чигирином, крымцы снарядили его в новый поход за свои интересы.

Итак, Европа уже вступила в период промышленного развития и капиталистических отношений, в Голландии и Англии произошли буржуазные революции, а в мусульманском мире по-прежнему сохранялись средневековые устои шариата, защищавшего рабовладение. Православная Россия, пережившая Смутное время, крестьянские бунты и крупное восстание во главе с донцом Степаном Разиным, встала на западный путь развития, а казаки продолжали «гулять» по украинам, по Дону и по Волге. Пограничный город Чигирин, который в то время был резиденцией «турецкого гетмана» Дорошенко, превратился, по выражению С.М. Соловьева, в «обширный невольничий рынок». Крымские, ногайские и кубанские татары даже в петровскую эпоху промышленяли разбоем и захватом ясыря в степях от Каспийского до Чёрного моря, будто во времена монгольской орды.

И как мы видим, география крымских и казачьих походов была достаточно разнообразной. Она не ограничивалась землями русских князей или владениями польских панов, не говоря уже о «Диком поле», где кочевники чувствовали себя, как дома.

Невольники из Кавказа. Рисунок XX века

В связи с этим нельзя недооценивать значение Кавказа в мусульманской стратегии. Работоторговцы особенно активизировались здесь в первой половине XVIII века. Крымские и кубанские купцы регулярно ездили по проторённым маршрутам в Калмыцкое ханство за ясырем, скупая одновременно по несколько сот человек. Из Черкесии они приводили невольников не только после набегов, но и благодаря распространённой на Северном Кавказе практике продажи своих соплеменников.

В документах есть также упоминания о торговцах еврейского происхождения. Как мы знаем, евреи, которых на европейских языках называли *жидами* (*žid, jude, jew* и т.п.) проживали, в частности, в Крыму. В портовых городах и перевалочных пунктах они промышляли ростовщичеством, арендой, таможенным сбором, мелкой и крупной коммерцией, а иные – перепродажей «живого товара». Летописи сохранили даже имя некоего «таманского князя» Схария Гирсиса. Он организовал в кубанских плавнях факторию для торговли и транспортирования рабов из Кавказа. Во время национально-освободительной войны Богдана Хмельницкого в плен к восставшим казакам попали тысячи евреев, и они сами превратились в товар на невольничьем рынке. [45]

По показаниям одного беженца, вышедшего с полуострова летом 1687 года, в Крыму по ханскому приказу была проведена перепись рабов, согласно которой их оказалось 107 тыс. В 1690-е гг., по словам одного из приближённых хана Селима Герая I, в Крыму находилось в неволе 100 тыс. невольников, закабалённых в различных походах или набеггах. [46]

Российская Империя покоряет и присоединяет Крым

Истерзало, измучило и довело до крайнего возмущения православных людей соседство неугомонного хищника. Больше нельзя было терпеть, и Москва решила перейти от обороны к наступлению.

В конце XVII века, после заключения Андрусивского перемирия с поляками, под руководством князя В.В. Голицына, сторонника царевны Софии, были организованы два военных похода на Крым совместно с донскими казаками (1687 и 1689 гг.), но оба оказались неудачными. Они стоили многих жертв, огромных материальных потерь и оказались мало результативными для нашего государства. Во время голицынских походов в боях было убито более 1300 ратников. Ещё больше погибло от болезней, в том числе заразных эпидемий, которые можно рассматривать как форму биологического оружия. А в 1688 году в результате очередного набега крымцы увели в Орду около 60 тысяч пленников. [47]

От тех лет осталась ироничная народная песня о бесславном возвращении в Москву побеждённого полководца, который попал в опалу и был сослан на север, в Ярославскую область.

*Вот молоденький князь Голицын по лужку гуляет,
Он ни один князь гуляет, с своими полками,
Со любезными со полками, больше с козаками.
Да он думает, князь, гадает, про всё размышляет:
Вот и где князю Голицыну во Москву проехать?
Вот и полем князю ехать — полем было пыльно,
Вот и лесом князю ехать — ему было страшно,
Вот и полем ехать князю, полем — да все былья,
Вот Москву ехать князю, ему было стыдно.
Отчего же князю стыдно? Что первый изменщик! [48]*

Более успешными были Азовские походы Петра Великого в 1695 и 1696 годах. Завоевав «крепкий орешек», Россия получила выход к Азовскому морю, приступила к созданию мощного флота, обеспечила безопасность державы на её южных берегах и нейтрализовала Турцию накануне большой Северной войны. Именно для Азовских походов была сделана первая подробная русская карта «Земель от Москвы до Малой Азии», составленная Яковом Брюсом.

Наблюдая последствия укрепления позиций Российской Империи в Причерноморье, казачество стремилось отстоять свою вольность и не потерять завоёванное в XVI-XVII веках. Вместе с

Осада Азова. Гравюра А. Шхонебека XVIII века

тем, внутри Запорожской Сечи даже после Переяславской Рады оставались сильные противоречия. В 1690 году атаман Петрик вступил в союз с татарами, а гетман Мазепа, проводивший тогда пророссийскую линию, пытался удержать запорожцев на стороне царя. Тем не менее, казачий совет во главе с Гордиенко принял решение воевать против Москвы вместе с Крымским ханом. Накануне Полтавской битвы в 1709 году Сечь подтвердила своё татарское подданство, хотя часть казаков не приняла такое решение, и потом ушла к русским. В условиях войны со Швецией и неожиданного предательства Мазепы царь Пётр вынужден был ликвидировать Сечь и сжёг город Чигирин, где находилась её ставка. [49]

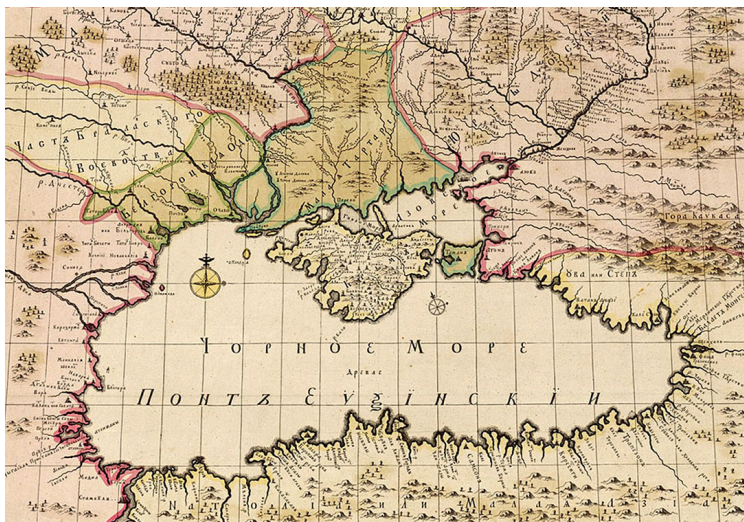
Ситуация осложнялась тем, что после смерти гетмана Мазепы запорожские казаки выбрали атаманом его преемника, генерального писаря Филиппа Орлика, заключившего новый союзный договор с крымским ханом. По этому договору мусульмане признавали независимость Украины и обещали наступление на Московское царство.

9 ноября 1710 года турецкий султан Ахмет III объявил России войну. Собрав огромное войско из 120 тысяч турок и 100 тысяч татар, крымских и ногайских, он направил его на Воронеж, чтобы захватить и уничтожить судоверфи, построенные Петром Великим I. У Харькова мусульман остановили войска под командованием Шидловского. Ограбив окрестности и набрав пленных, татары, не достигнув главной цели, вернулись в Крым.

Весной следующего года казаки Орлика и запорожцы во главе с кошевым Гордиенко, развивая задуманную интригу, объединились с польским войском Понятовского и Буджацкой Ордой во главе с сыном крымского хана. Они сформировали 50-тысячное войско, прошли по Правобережной Украине до Белой Церкви под Киевом, но взять крепость не смогли.

В ответ на турецко-татарскую стратегию и манёвры казаков царь Петр организовал Прутский поход. Летом 1711 года его армия в союзе с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром вступила в Молдавию. Однако силы оказались неравными. Русская армия вынуждена была отступить, а по мирному договору сдать Азов и завоёванное прежде морское побережье. Цветущая Молдавия и Трансильвания были захвачены турками, города и сёла – разорены. Десятки тысяч людей, в том числе наших воинов, попало в плен, а потом они были переправлено через Кафу для продажи на невольничьем рынке.

Малоизвестен так называемый «Кубанский погром» 1717 года, проходивший на фоне европейских поездок царя Петра Великого. Тогда кубанские татары в союзе с азовцами разорили окрестности Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова и других городов, откуда увели в плен около 30 000 человек. В это же время и позже крымцы совершали ежегодные набеги на Харьков, Изюм, Бахмут, Полтаву, а в 1735 году хан Каплан Герай с 30 тысячной армией вторгся на территорию Северного Кавказа.

Карта земель от Москвы до Малой Азии, составленная Яковом Брюсом в 1685 году (фрагмент).

Запорожское войско разделилось на союзников и противников России. Часть из них осуществляла набеги на русские земли, продавая захваченных ими людей туркам и другим купцам. Этим же занимались некоторые казаки, воевавшие на стороне турок-османов и татар. В начале XVIII в. в Османскую империю и Крымское ханство попадали невольники даже из Швеции и Финляндии. Они были захвачены в плен казаками во время Северной войны и попали в мусульманские страны благодаря транзитной торговле, в которой посредниками выступали купцы-греки.

Таким образом, работорговля сохранялась даже в первой половине XVIII века. По свидетельству католического миссионера Карла Дюбаи, ежегодно с полуострова ввозили до 20 тыс. человек. Около 60 тыс. рабов было в самом Крымском ханстве, их использовали в основном для сельскохозяйственных работ.

Ясырь казаков. Иллюстрация XIX века

По отдельным городам есть следующие цифры для данного исторического периода. В 1683—1744 г. рабы были у 11,2% жителей Карасубазара. В 1701 г. невольников в одной Кафе было больше трех тысяч человек. В 1713 г. на полуострове находилось 15—20 тыс. рабов. Иезуит отец Ф. Дюбан, сообщивший это число, добавлял, что за несколько лет до того более чем 40 тыс. рабов умерло от некоей массовой болезни. [50]

В ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. русская армия трижды входила в Крым, сожгла столицу ханства Бахчисарай. Только нерешительность Петербурга, который опасался

политических осложнений, не позволила тогда включить Таврический полуостров в состав империи. Казаки тоже оказались между двух огней и вынуждены были образовать «Новую Сечь».

Почувствовав неподготовленность русских, турки и татары, сговорившись, начали очередное наступление. По свидетельству французского консула барона Тотта, находившегося отряде хана Крым-Гирея, в 1769 году Орда объединила три армии: 140 тысяч воинов, подчиненных Нуреддину, 60 тысяч – под началом Калги и 100 тысяч – во главе с самим Ханом. В этом грандиозном нашествии на Русь принимали участие ногайские кочевники, турецкие сипаи, отряды лезгинцев, казаки-некрасовцы, а к войску, по обычаю, был прикреплен также табун из 300 тысяч свободных лошадей. Главное войско Крым-Гирея напало на Елизаветград, разграбило его и окружающие деревни. В районе Новой Сербии оно захватило более 20 тыс. пленников, среди которых было много молодых солдат и кубанских красавиц — в подарок султану. Это была последняя крупная добыча татар. [51]

Интересно, что императрица Екатерины II во время дипломатических переговоров с французским послом Сегюром, которому объясняла причины своей южной стратегии, упоминала цифру 20 000 русских пленных ежегодно. Скорее всего речь тогда шла о последних событиях, а не общей статистике.

Тем не менее, вдумайтесь! Даже во время расцвета европейского Просвещения, когда образованные люди восхищались классическим античным искусством; зачитывались трудами Дидро, Монтескье и Руссо; рассуждали о праве человека на жизнь, частную собственность, свободу, - крымские татары продолжали заниматься позорным бизнесом, продавая людей в рабство.

Однако не ведали тогда турки, что стратеги Императрицы уже готовили войска, чтобы дать решительный отпор агрессору. Отвоевав южнорусские земли, полки генерала Петра Александровича Румянцева отбросили бусурман до Перекопа. Летом 1770 года будущий фельдмаршал разгромил у реки Ларге 80-ты тысячную турецко-татарскую армию, затем взял Измаил, Килию, Аккерман (Белгород) и другие крепости, чтобы продолжить наступление на Дунае.

Одновременно Екатерина II поручила канцлеру графу П.И. Панину провести мирные переговоры с крымским ханом Селим-Гиреем III, сменившим умершего предшественника. Россия предлагала ему стать главой нейтрального государства, независимого от Османской империи. Однако хан высокомерно отказался.

Барельеф на обелиске в честь кн. В.М. Долгорукова-Крымского

Через год российская армия под командованием князя Василия Михайловича Долгорукова, вновь подошла к Перекопу, переправилась через Сиваш и ударила в тыл противнику. Быстро продвинувшись к югу, в июне 1771 года взяла Кафу, крупнейший тогда город, а к концу года очистила весь Крымский полуостров от турецких войск.

В честь громких побед князя, получившего победный титул Долгоруков-Крымский, позже в центре Симферополя был поставлен обелиск, напоминающий о том, что выдающийся полководец «к незабвенной славе России завоевал Крымский полуостров» и «отворил российскому флоту путь через Боспор Киммерийский в Чёрное море». [52]

Вместе с покорением Крымского ханства, то есть в 1783 году, был положен конец многовековой трагедии татарского ига. Прекратились разбойничьи набеги татар на Русь. Завершилась эпоха международной работорговли в Европе. После вторжения русской армии на полуострове резко уменьшилось число невольников: 12 000 рабов было выкуплено по цене от 100 до 150 тысяч лёвков, а около 9 000 самовольно бежало к освободителям.

Кафа, которой было возвращено прежнее название Феодосия, потеряла свою роль в качестве торгового центра, а главные события экономической и военной деятельности перешли на западную часть полуострова, где был основан Севастополь.

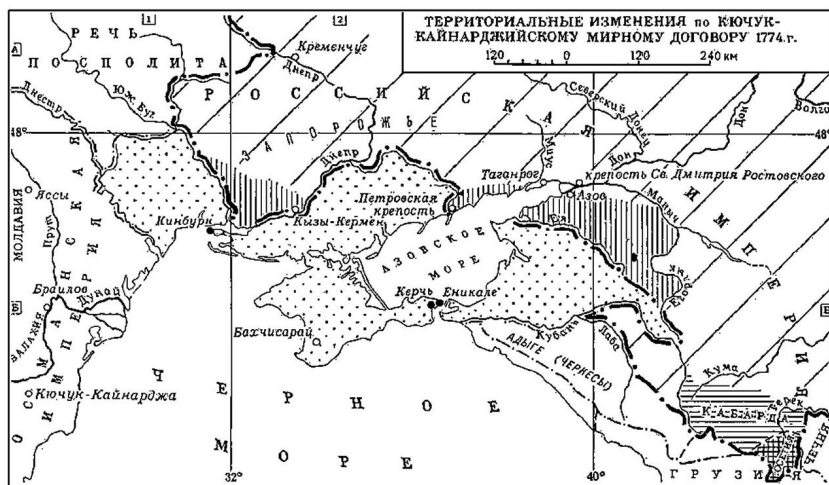
Некоторое время проблема рабства продолжала обсуждаться в крымско-русских переговорах и после поражения ханства, поскольку в Крыму ещё оставались определённое количество подневольных. Однако к началу XIX века счёт рабов пошёл уже не на тысячи, а на сотни. В Перекопском уезде в 1805 г. насчитывалось 594 невольника, а в Симферопольском уезде в 1806 г. при переписи было учтено 719 рабов. Их потомки продолжали жить в Крыму, удивляя этнографов XX века своим рабским происхождением.

Учитывая этические аспекты нашего исследования, стоит признать, что крымские татары, веками занимавшиеся хищным промыслом, по закону кармы нередко сами становились жертвами войны или невольниками. Во время карательных акций против участников антироссийских мятежей, по приказу князя Потёмкина было уничтожено 30 тысяч восставших.

Одновременно по указу Екатерины II от 22 февраля 1784 года лояльно настроенная татарская знать получила все права и льготы российского дворянства. Гарантировалась неприкосновенность религии. Муллы и другие представители мусульманского духовенства освобождались от уплаты налогов. Крымские татары были освобождены от воинской повинности.

К сожалению, даже гуманные дипломатические меры не привели к полному усмирению хищника. Больше половины мусульманского населения Крыма эмигрировало за пределы полуострова. Часть крымских татар не желала смириться с тем, что эпоха грабежей и кровавых походов ушла в прошлое. Во время Крымской войны 1853-1856 годов, Великой отечественной 1941-1945 годов и в период краха СССР среди татарских националистов нашлись такие, которые стали союзниками противников России. В таких случаях говорится, «сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит».

В целом хронологический обзор показывает, что феномен работорговли нельзя рассматривать в отрыве от главных исторических событий. Отдельные факты, цифры, цитаты имеют значение, но только в контексте реальной действительности они обретают подлинный смысл.

ОБРАЗЫ РАБОВЛАДЕНИЯ, ИХ ИСТОЧНИКИ И ОБСУЖДЕНИЕ

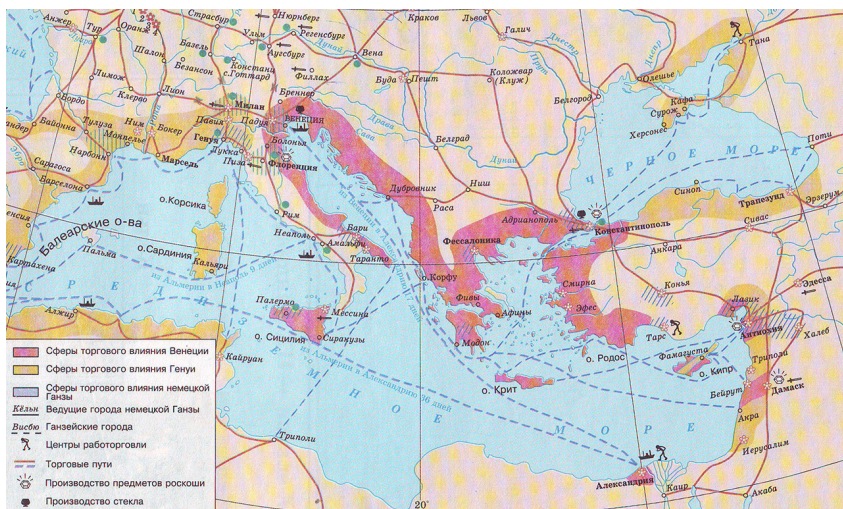
Любое исследование опирается на источники. Их обзор, анализ, систематизация – обязательное требование к научной работе. И хотя в данном случае перед читателем не диссертация, а обзорный очерк, мы постараемся разобраться в том, как исторически развивался образ рабовладения в Крыму, на каких данных он основывался и какое истолкование получил у различных авторов.

Правовые документы

Феномен рабства и работорговли отражён в правовых документах своего времени, в летописях (древнерусских и казачьих), в свидетельствах и воспоминаниях очевидцев, в народном фольклоре, в исторических исследованиях нового и новейшего времени, в литературных и художественных произведениях. Каждый из источников имеет свои особенности, своего автора, свою точку зрения. Только совокупность мнений, проверенных с помощью академических методов, даёт полноту картины, гарантирует её объективность.

Хронологически первыми документами о рабовладении были нотариальные акты, то есть юридические документы, где фиксировались имя, происхождение, этническая принадлежность, возраст, пол, а иногда — физический облик, стоимость и обстоятельства приобретения невольника. Изредка к старинным документам обращались специалисты, чтобы уточнить какие-то детали для своих изысканий.

Советский и российский историк-византист Сергей Павлович Карпов, доктор исторических наук, профессор и декан МГУ, член-корреспондент Российской академии наук, решил изучить не нотариальные акты, а массарии, о которых уже была речь. Это – регистрационные книги особого предназначения, где записывали счета и суммы налогов, прочие сведения о рабах, по которым можно проследить динамику развития и географию работорговли в Черноморском регионе. Формальные списки, напоминающие бухгалтерские книги, веками лежали невостребованными в специальных архивах. За основу исследователь взял массарии 1374—1472 годов города Кафы, крупнейшей генуэзской фактории Крыма. Они до сих пор хранятся в Генуэзском государственном архиве. Полученные данные были проанализированы и обобщены в специальной публикации.

Торговые пути венецианских и генуэзских купцов в XIV веке

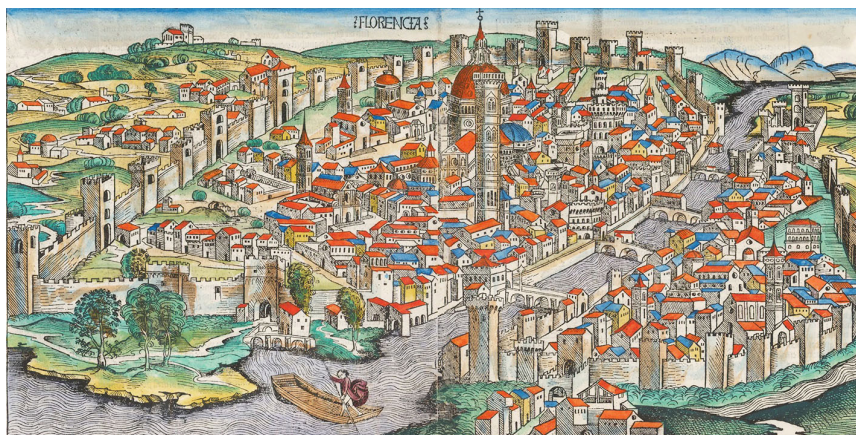
В итоге профессору Карпову удалось сделать несколько статистических обобщений и выводов, касающихся методов и масштабов торговли рабами в интересующую нас эпоху. Он подтверждает международный размах позорного бизнеса, который в XV веке монополизировали итальянцы. Автор значительно уточнил маршруты караванов с невольниками, где важную роль играло побережье Анатолии: «Анализ массарий Каффы позволяет выявить не отмеченную доньше важнейшую роль Синопа в черноморской работорговле. Основной поток рабов из Каффы и Северного Причерноморья в Египет шел не через Перу и Константинополь, а в обход их, через города Южного Причерноморья, Брусу, Самос». [53]

Достаточно ли столетних сведений из генуэзских массариев для понимания специфики и общей оценки работорговли в Крыму? Нет, недостаточно.

Для сравнения мы привели данные соответствующих документов Московского царства: закона «Об искуплении пленных» (1551), «Соборного уложения» (1649), «полоняничных росписей», то есть списков пленных, и прочих бумаг, которые упоминались в историческом обзоре. Из этих ценных документов мы узнали о суммах выплат, некоторых именах и датах, однако из них невозможно понять причины рабовладения и их формы.

Более подробные сведения содержатся в исследованиях итальянских и французских авторов Salvatore Bongi, Luigi Cibrario, Agostino Zanelli, A. Brutails, которые проанализировал и

обобщил дореволюционный учёный Иван Васильевич Лучицкий. Этот хорошо образованный человек, владеющий несколькими европейскими языками, был удивлен масштабами работорговли в начале Нового времени. Он поставил перед собой задачу пролить свет правды на забытое явление, которое достойно внимания и осмысления. В предисловии к статье «Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв.» Лучицкий пишет: *«Продолжение существования рабства в Западной Европе представлялось немислимым среди христианского населения, и вопрос о рабстве в средние века и в начале нового времени даже и не поднимался. Потребовалось немало изданий документов, немало исследований, чтобы подорвать созданную теорию в том, что касалось истории крепостного права».*

Плана города Флоренции из Нюрнбергской хроники XV века

Углубившись в экономические проблемы Флоренции и Руссильона, где тогда были крупные невольничьи рынки, наш соотечественник не мог не обратить внимания на то, что во второй половине XV века произошел очевидный наплыв рабынь русского происхождения, привезенных из Крыма в порты Средиземного моря. Во французском городе Перпиньяне даже появилась мода на кормилиц-славянок, их стоимость на невольничьем рынке доходила до 100 ливров. В нотариальных актах русские женщины упоминаются под именами Мария, Катерина, Маргарита, Настасья, Ульяна, Марина и т.п. Вместе со «славянами» и «татарами» они составляли наиболее многочисленную этническую группу. Названия национальности здесь взято в кавычки, потому что у пленниц из татарских владений, были такие имена как Марфа,

Мария, Екатерина, Луция. Мужское имя Пасхалий тоже явно нетюркского происхождения.

На основе правовых документов Лучицкий исследовал различные аспекты рабовладения: его причины, формы, юридическое сопровождение, исторические особенности. Он вник в детали, которые позволяют увидеть явление как бы изнутри. Например, Иван Васильевич подробно объясняет функции коммерческих агентов при подборе «живого товара», описывает процедуру осмотра и допроса невольников до заключения сделки, о которой мы узнали именно из его публикации.

Наряду с анкетными данными нотариус фиксировал на латыни права покупателя, оговаривая сроки владения приобретённым рабом. Продажа могла быть либо вечною (*sub jugo perpetue servitutis*), либо временною, на определённое число лет, на 8-10 и более. В любом случае, с юридической точки зрения, раб был не более, чем товаром, вещью, движимостью. Все права на него передавались новому хозяину. Покупатель получал полное право владения невольником (*purum et merum dominium*). Он мог его содержать для собственных нужд, перепродать или уступить во временное пользование другому лицу, поощрить или наказать. Кстати, наказания были весьма жестокими. Порка за провинность (обман, лень, дурное поведение) была обычным делом, за воровство – отрезали виновному правую руку, а за покушение на хозяина через отравление - посылали на костёр.

Похищение рабынь у законных хозяев тоже строго наказывалось. Чаще всего пропадали красивые девушки, которых использовали в сексуальных целях. Для предотвращения таких случаев, были введены большие штрафы, но поскольку они не решили проблему, наказание было значительно ужесточено. Вот статья из соответствующего закона от 1452 года: *«Кто похитит или скроет у себя рабыню, ему не принадлежащую, и продержит её у себя более трёх дней, вопреки и против воли и желания собственника, тот подвергается наказанию чрез повешение, пока не умрёт, и сверх того обязан либо возратить рабу, либо уплатить полную её стоимость её владельцу»*. [54]

Дети, рожденные от рабынь вне брака, автоматически становились собственностью хозяина, и он даже мог отторгнуть дитя от матери, передав ребёнка на воспитание другой женщине или отправив ребёнка в приют. Лучицкий обращает внимание на то, что в 1456 году приют св. Иоанна содержал за свой счёт более 50 кормилиц для «подброшенных» детей.

Наконец, один из важных вопросов о статусе невольника касается вознаграждения за труд. Поскольку раб был личной

вещью господина, то хозяин брал на себя обязательство содержать его, кормить и одевать. Он имел право платить или не платить за проделанную работу. Размер вероятного вознаграждения зависел от многих обстоятельств, включая добрую волю хозяина. Из нотариальных актов видно, что некоторые рабы зарабатывали деньги, а как таковые делились или тратились, трудно судить.

Летописи и свидетельства современников

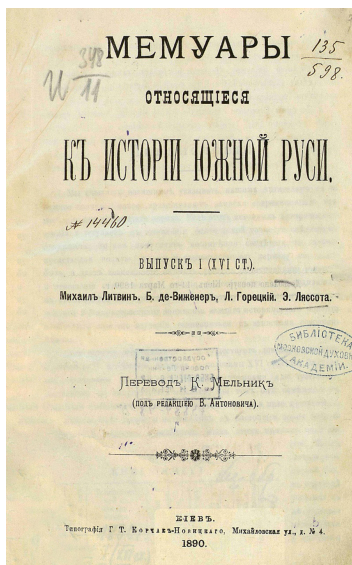
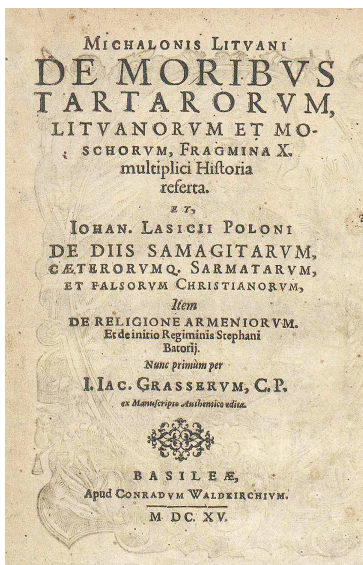
В древнерусских летописях нет или очень мало сведений о жизни рабов в Таврии. Они описывают, наряду с другими темами, эпоху монголо-татарского вторжения на Русь, драму воинских сражений и политические интриги княжеств, но даже сам Крым упоминается в них очень редко, да и то – мельком.

Например, знаменитый Мамай, беклярбек и тёмник Золотой Орды, родившийся в Солхате (Старый Крым) и получивший в качестве родового владения сам полуостров, стал одним из персонажей летописной повести о Куликовской битве. В её финальной части есть строки, описывающие позорное поражение золотоордынского наместника: *«Мамай же, гонимый, спасаясь от Тохтамышевых преследователей, прибежал к окрестностям города Кафы и снёсся с кафинцами по договору и по обещанной ему защите, чтобы они его укрыли у себя, пока не отступят от него все его преследователи. И они разрешили ему. И Мамай прибежал в Кафу со множеством богатств, золота и серебра. Кафинцы же, сговорившись, обманули его, и был он тут ими убит. Таков был конец Мамаю»* (с.202). Здесь о рабах и работорговле в Кафе нет ни слова. [55]

Весьма ценными литературными источниками считаются свидетельства современников, участников или очевидцев реальных событий. В них присутствует неизбежный субъективизм, однако он основывается на непосредственном восприятии действительности, отражая дух и стиль эпохи.

В аналитической части и историческом обзоре были приведены слова таких наблюдателей событий, как летописец Острожский, Педро Тафур, Эмануэль Пилоти, Мартин Борневский. А здесь добавим несколько ярких цитат из мемуаров Михайло Литвина, относящихся к событиям середины XVI века.

Точное название интересующей нас книги «О нравах татар, литовцев и москвитян» (*De moribus Tartarorum, Lituorum et Moschorum*). Специалисты считают, что она была написана на латыни примерно в 1550 году хорошо образованным литовским

Латинское и русское издания книги Михаила Литвина

дипломатом Михаилом Тишковичем. Достоверно известно, что он лично посещал Крым, пробыл на полуострове продолжительное время. Видимо, здесь посланник пользовался полной свободой, а возможно даже имел доступ к ханскому двору. В его мемуары включена беседа с пленным соотечественником в Кафе, уникальная в своём роде. По убеждениям Литвин (Тишкович) был противником «Московии», поэтому у него не было цели защитить русских или осудить татар. Писал о том, что видел своими глазами и слышал собственными ушами.

Крымских татар мемуарист именует «перекопцами», ибо Таврический полуостров отрезан от континента рвами, которые называются на тюркском языке «кырым». Имея небольшие натуральные хозяйства и табуны лошадей, кочевники предпочитают охоту и разбой как доходный промысел. Хан может быстро собрать войско числом более 30 000 человек, поэтому татары ежегодно совершают большие и малые набеги на Литву, Польшу, Московию с целью грабежа и захвата пленных.

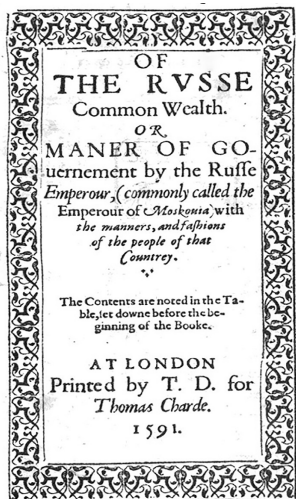
«Хотя перекопцы, кроме многочисленных стад, держат при себе и захваченных в плен рабов, но последних у них гораздо больше, чем стад, и потому они снабжают ими и другие страны. К ним приходят многочисленные корабли с того берега Черного моря, из Азии, привозят им оружие, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами», – пишет Литвин.

Европейца эпохи Ренессанса шокировало то, что постоянно пополняющиеся толпы невольников для продажи содержатся хуже, чем у него на родине домашний скот в загонах. Рабам-мужчинам ставят клеймо на щеках или на лбу, отрезают уши и ноздри, подвергают кастрации. Заковав их в кандалы, заставляют днем работать, а ночью – томиться взаперти. Невольники принуждены довольствоваться скудной пищей, хуже, чем у собак.

«В обращении с рабами, – продолжает свидетель, – можно наблюдать следующие приемы: когда их выводят на продажу, то ведут этих несчастных на площадь, сковав их за шею гуськом по десяти, словно журавлей, расположившихся для полета». «Вследствие указанных причин, при покупке рабов не только осматривают их наружные члены и зубы, наблюдая, чтобы последние не были редки или испорчены, но исследуют и откровеннейшие части тела». [56]

Для большей привлекательности отборных девушек и мальчиков предварительно хорошо откармливают, а затем одевают в шелка, натирают косметикой, заставляют танцевать. Наиболее красивых выставляют за высокую цену, а вскоре после покупки они часто перепродаются за ещё больший барыш. В связи с этим турки утвердили специальный указ, запрещающий торговцам «живым товаром» раскрашивать на рынке лица рабов или наряжать театральным образом.

Торг невольниками производился во многих городах Крыма, где были крупные рынки, прочные крепости или удобные приморские гавани. Порты полуострова были знамениты именно

Первые издания книги Д. Флетчера XVI и XVII веков

как центры работорговли. Случалось, что пленных прибывало так много, что приходилось их продавать оптом, а потом сразу загонять на корабли.

Общую оценку работорговли в Крыму, изложенную с подробностями очевидцем Михайло Литвиным, подтверждает свидетельство Джэйлса Флетчера, английского поэта, писателя и дипломата, направленного в конце XVI века в качестве посланника из Лондона в России. В своей знаменитой книге «О государстве русском» он пишет о том же явлении, добавляя свои детали: *«Главная добыча, которой татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое количество пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям. Для перевозки детей татары использовали большие корзины, ослабевших или заболевших в дороге безжалостно убивали»*. [57]

Французский инженер, математик, архитектор и топограф XVII века Гийом де Бонплан широко известен благодаря составленной им карте под названием «Генеральный план Диких полей, проще говоря, Украина. С прилегающими провинциями» (лат. *Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina. Cum adjacentibus Provinciis*). Идеологи «незалежной» любят воспроизводить её под своим кратким названием «Карта Украины», чтобы сделать акцент на одном из первых письменных упоминаний их родины. Однако Бонплан, когда подписывал первый вариант карты в 1639 году, имел в виду не «украинское государство», которого тогда не могло быть, а именно «Дикое поле» (*Camporum Desertorum*). В своей книге он

Картуш географического описания “Дикого поля, или Украины”
Г. де Бонплана XVII века

описывает тактику татарских разбойников, выбравших в качестве мишеней слабо укрепленные места жительства людей: *«Разбегаясь в разные стороны по сёлам, они окружают их и устанавливают вокруг по четыре сторожевых поста, поддерживающих большие костры на протяжении всей ночи, боясь, как бы кто-нибудь из крестьян не ушёл от них; потом грабят, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление, берут и уводят тех, кто сдаётся, и не только мужчин и женщин с грудными детьми, но также скот»*. [58]

К переполненному бурными событиями XVII века относятся воспоминания герцога Антуана де Грамона. Их ценность усиливается тем, что во время русско-польской войны, а точнее – похода короля Яна Казимира на Левобережную Украину в 1663—1664 годах автор находился в польско-татарской армии. То есть, в данном случае он характеризует поведение союзников. По данным герцога после одного из крупных сражений, было захвачено в плен около 20 тыс. человек, среди которых были не только южнорусские казаки, но и воины Московского царства. По свидетельству Антуана де Грамона, *«татары, которые идут на войну только ради полона, отправляемого затем на продажу в Константинополь»*, явились однажды к королю с заявлением: *«они не могут терять времени для забора пленных в Московии, прежде чем вернуться к себе»*. Вот приблизительное употребление пленных, которое сделали татары до момента своего отъезда: *«Они перерезали горло всем старикам свыше шестидесяти лет, по возрасту неспособным к работе»*.

Надсмотрщик на галерах подгоняет гребцов

Турецкая галера. Книжная миниатюра XVIII век.

Сорокалетние сохранены для галер, молодые мальчики — для их наслаждений, девушки и женщины — для продолжения их рода и продажи». [59]

Подлинное свидетельство каторжанина на турецких галерах Семёна Мальцева, бывшего посла, отправленного из Москвы к ногаям и захваченного в плен азовскими казаками, приводит в своём классическом труде С.М. Соловьев. Весною 1569 года пришло в Кафу османское войско, численностью 17000 человек. С ним кафинский паша Касим начал продвигаться к Переволоке, чтобы соединить каналом Дон с Волгою, а потом взять Астрахань. Крымский хан с 50 000 своих татар также выступил в поход, а помимо пеших и конных, в том же направлении по Дону плыли суда с пушками из Азова. На одном из таких кораблей среди пленных-гребцов находился Семён Мальцев. *“Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! - пишет он. - Жизнь свою на каторге мучил, а государское имя возносил выше великого царя Константина. Каторги (суда) шли до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи, дивились, что государевых людей и козаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы козаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и речные мели”*. Далее пленный посол подмечает некоторые детали

из событий, происходивших в турецком стане, представляющих военный интерес. [60]

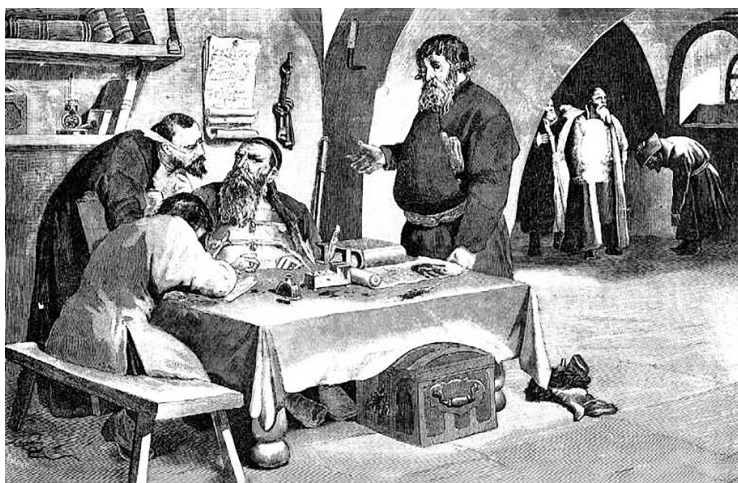
К документально-литературному жанру в русской историографии относится хрестоматийная «Повести об Азовском осадном сидении Донских казаков» 1641 года, составленная атаманом Наумом Васильевым и есаулом Фёдором Ивановым. В своеобразной докладной записке Московскому Государю, мы узнаём подробности противостояния донского войска турецкой армии, длившегося с 1637 по 1641 год. Успех заслуженной победы сменился тяготами осадного положения, и тогда казаки решили обратиться к православному царю Михаилу Фёдоровичу за помощью. В качестве главного аргумента послы приводят статистику о численности «обильной рати бусурманской» в 256 000 человек. Таковая состояла из османских регулярных войск, крымских и ногайских татар, кавказцев и европейских наёмников.

Наряду с подробностями батальных сцен в «Повести» содержится любопытное размышление о том, почему казаки сбежали из Московского царства на юг, к Азовскому морю:

«То государство Московское великое и пространное и многолюдное сияет посреди всех государств и земель и орд босурманских и Елинских и Персидских аки солнце. [Но] не почитают нас, бедных, на Руси ничем и ненавидят нас аки псов смрадных, потому что отбегохом [убежали] мы из того государства Московского и из иных его государевых розных городов от неволи и налога, из работы и из холопства вечного и от неволи великие, от его государевых князей и бояр и дворян и детей боярских и всяких городовых приказных людей. Да [здесь] вселились в пустыни непроходимые, токмо взираем на Бога и на святых Его угодников». [61] Здесь мы видим свидетельство о неприятии вольнолюбивым народом крепостного права, которое тоже было одной из форм рабовладения.

Крепость города Азов донцы взяли по своей «казачьей воле», без согласования с Москвой, но поскольку противоположные силы в войне сложились неравные, атаман и его свита просят православного царя Михаила Фёдоровича принять Азов под эгиду российской как Государеву вотчину.

Другое реальное событие первой половины XVII века, связанное с восстанием рабов, освободившихся из турецкой каторги на галерах, описано в донесении («челобитной»), Ивана Семёновича Мошкина, которая была направлена Царю с целью получения денежного содержания: *«Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всяя России бьёт челом холоп твой, калужский стрелец, Ивашика Семёнов, сын Мошкин. Был я, холоп*

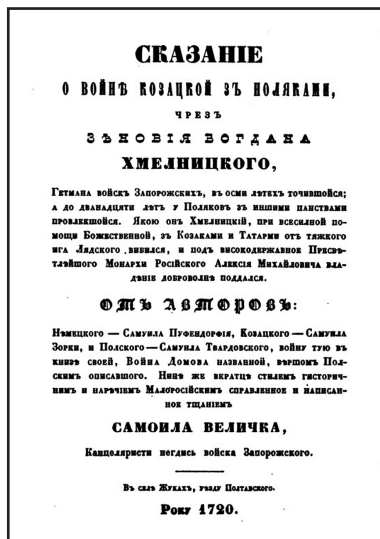
Приём челобитной грамоты. Иллюстрация XIX века

твой, на твоей государевой службе на Усерде, и на той службе взяли меня, холопа твоего, в полон крымские люди и продали меня в Турскую землю на каторгу; и я, холоп твой, живот свой мучил на каторге за тебя, праведного государя, 7 лет, и веры христианской не забывал». [62] Верный подданный, описывая подробности своих мытарств в годы рабства и приключения во время восстания, неоднократно подчёркивает, что он не поддавался на уговоры перейти на службу иным государям, а всегда оставался верным Царю и Православной вере. В конце челобитной приписаны ещё несколько имён участников событий из различных городов и сёл Руси с кратким послужным списком.

Данная история получила мемуарное изложение в публикации 1643 года на итальянском языке в Риме под длинным названием *«Известие о замечательном происшествии, недавно случившемся: о том, как взята была лучшая турецкая галера, бывшая под начальством Анти-паши Мариоля, как получили свободу 207 человек невольников христиан из польской Руси и 70 невольников из других христианских стран, как взяты были в плен 40 турок и 4 богатых еврейских купца, как убит был упомянутый Анти-паша со многими другими турками и какая богатая добыча найдена была на галере»*. Её автор Сильвестр из Ливорно был участником и очевидцем событий, но он описал главного героя под именем *«капитана Симоновича»* (по-русски *«Ивана Семёновича»*), а его товарищей называет *«русинами»*. *«Освободившихся невольников на этой галере оказалось более 250, – свидетельствует Сильвестр. – Всё это были отборные, молодые и храбрые христианские воины.*

Лишь только окончилась битва и водворился порядок, тотчас все бросились к веслам и принялись грести изо всех сил; они быстро помчались по морю, тем более, что дул попутный ветер». [63]

Близки к реальности казачьи рукописи и документы, собранные Самуилом Васильевичем Величко, бывшим канцеляристом Запорожского войска. Он автор фундаментального труда «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке», изданного в 4-х томах. В первой книге подробно рассказывается о национально-освободительной войне казачества против поляков под руководством гетмана Богдана Хмельницкого. В ней использованы дневники и записи его личного писаря Самуила Зорьки. Четвёртый том состоит из архивных приложений различной ценности. А второй и третий тома, посвященные событиям второй половины «бунташного века», в значительной степени основаны на личных наблюдениях автора. Здесь немало эпизодов, касающихся интересующей нас темы: смелые рейды атамана Сирко в ханский Крым; нападения казачьих «чаек» (лёгких ладей) на турецкие галеры и захват Кафы; истории освобождения невольников и торгов по поводу пленных; описание судьбы воеводы Шереметева и выдающихся гетманов Вишневецкого, Павлюка, Сагайдачного и др. Они требуют внимания и объективного анализа со стороны исследователей нашего времени. [64]

Оригинал и русское издание казачьей летописи С. Величко

Фольклор и художественные произведения

Особый круг источников составляют произведения фольклора. Рассказы невольников, чудом возвращавшихся из каторги на родину, служили сюжетами народных песен, баллад и лирических сочинений в жанре думы.

В Малороссии весьма популярны были думы «Самойло Кошка», «Иван Богуславец», «Невольники», «Бегство трёх братьев из Азова» и другие. Они исполнялись кобзарями под бандуру или колёсную лиру. Каждая из песен имела свои варианты, то что сегодня называется «литературные редакции».

Эпическое сочинение об атамане Кошке по-своему пересказывает историю освобождения рабов из турецкой каторги на галерах. В ней много художественного вымысла, поскольку главный герой думы, гетман войска Запорожского Самуил Кошка, в действительности умер за 40 лет до описываемого события. Подобные перемещения во времени по воле сказителей или переписчиков случались и с другими фольклорными произведениями. [65]

В русских народных песнях на историческую тему, коих немало, интересующий нас регион, упомянут скорее в нарицательном, символическом смысле. Например, в стихах под названием «Набег крымского хана», записанных в начале XVII века, мы видим обилие поэтических образов, эпитетов и метафор:

*А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули:
Куда едет собака крымской царь?
А ко сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем, Рязань возьмем».
А как будут они у Оки-реки,
А тут они станут белы шатры расставлять.
И т.д.» [66]*

Тема неволи и страданий людей, попавших в полон, получила яркое выражение в лирических песнях и плачах о трагической судьбе славянских рабынь. Они образуют целую серию в сборниках поэтических произведений, сочиненных в XVI-XVII веках. До нашего времени дошли сокращённые или переработанные версии, но даже в такой форме эти тексты содержат любопытные детали, художественные перлы.

В небольшой былине «Брат спасает сестру» есть логический зачин, где объяснены общие условия события после взятия татарами Чернигова:

*«...Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбирали басурманы много множество,
Много множество, собаки, золотой казны,
А ещё того побольше чиста жемчуга.
Выезжали басурманы во дикую степь...”*

Далее нарисована психологическая картина грубого насилия завоевателя над своей жертвой :

*«Он берёт же красную девицу без жеребья,
Молодую душу он Фамельшу дочь Никитишну.
Он и взял же девчонку за белы руки,
Он повел её, собака, во белой шатер.
И стал же басурманин насмехатися,
Да над её ли да белым телом надругатися».*

В другой песне из того же цикла под названием «Полонянка надеется на выкуп» несчастная рабыня ищет пути выкупа из неволи:

Полонянка на невольничьем рынке. Современная картина

*«Как взяли они красну девицу,
посадили за крутые бедра,
Повезли её в землю татарскую, землю басурманскую.
И просит красная девица:
«Вы напишите белу грамотку
к моему родимому батеньке,
Чтоб достал он свою золоту казну,
Чтоб ехал выкупать меня из чужой земли!» [67]*

На этих словах запись текста обрывается по неизвестным причинам, а своеобразное продолжение мы видим в трагической истории «Гибель полонянки». Эту очень красивую по форме, и трагическую по содержанию песню приведём полностью. Где и когда вы её ещё прочитаете?

*«Не белая лебёдка в перелёт летит —
Красная девушка из полону бежит.
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья шуба раздувается,
На белой груди скат жемчуг раскатается,
На белой руке злат перстень, как жар горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим зычным голосом:
«Ох ты гой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие?
Еще есть ли по тебе калины мосты?
Еще есть ли по тебе рыболовищички?
Еще есть ли по тебе перевозчицки?»
Неоткуль взялся перевозчикек.
Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь!
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
Да еще мало покажется — ровно тысячу;
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золот перстень.*

Самому перстню сметы нету-ка».
«А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?»—
«Сватались за меня князя и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»
Бежали за девушкой два погонщикка,
Два погонщикка; два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица, словно ключ ко дну». [68]

Только в народных песнях и художественных сочинениях, звучит лирическая нота драматизма личной судьбы. Этого пафоса нет и не может быть в холодной статистике документов, в описаниях хронистов, поскольку невольник для них – это объект наблюдения, а не субъект страданий, душевных переживаний.

По другому сложилась история знаменитой героини украинского фольклора Маруси Богуславки. В небольшой по объему, но логически построенной и символически наполненной думе, речь идёт о судьбе дочери священника Покровской церкви из города Богуслав на Поросье. Во время налёта татар в первой четверти XVII века она была пленена и продана в рабство, вероятно, через один из крымских невольничьих рынков. «Дівка-бранка» (пленница) попала в гарем турецкого паши, где прожила много лет, и при удобном случае, согласно поэтическому сюжету, помогла бежать из заключения семистам невольникам.

Этнографы насчитали более десяти вариантов этой популярной песни. Первым публикатором был Пантелеймон Кулиш, чью версию мы здесь приводим в русском переводе по тексту «Записок о Южной Руси» 1856 года.

«На Черном море, на белом камне стояла каменная темница, и в той темнице сидели семьсот казаков, бедных невольников.

Тридцать лет сидят они в неволе, света божьего, солнца праведного не видят. И приходит к ним девушка-бранка (взятая в неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говорит им: «Эй казаки, бедные невольники! Угадайте, какой теперь день на нашей земле христианской?»

Слышат это бедные невольники, узнают девушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку по голосу и говорят: «Эй, девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка! Откуда нам знать, какой теперь день на нашей земле христианской? Мы тридцать лет сидим в неволе и божьего света, праведного солнца не видим. Не знаем мы, какой теперь день на нашей земле христианской».

Тогда девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говорит казакам: «Ой, казаки, бедный невольники! Сегодня на нашей земле христианской Страстная суббота, а завтра — святой праздник Великдень».

Услышав это, казаки пали белым лицом на землю и прокляли девушку-бранку, поповну Богуславку: «О, чтоб ты, девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имела ни счастья, ни доли! Зачем ты нам объявила, что завтра святой праздник Великдень!»

Тогда девушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говорит им: «Ой, казаки, бедные невольники! Не браните меня, не проклинайте! Как будет ехать наш турок-господин в мечеть, то отдаст мне на руки ключи; тогда я приду в темницу, отпру темницу и выпущу всех вас, бедных невольников, на волю».

И вот в святой праздник, в Великдень, выезжает турок-господин в мечеть и отдает ключи на руки девушке-бранке, Марусе, поповне Богуславке. Тогда она приходит к темнице, отпирает темницу, выпускает всех казаков, бедных невольников, на волю и говорит: «Казаки, бедные невольники! Уходите вы в христианские города; но прошу вас, не минуйте города Богуслава и дайте знать моему отцу и матери: пускай мой отец не продает земель и имущества, пускай не собирает великих сокровищ и не выкупает из неволи меня, девушку-бранку, Марусю, поповну Богуславку. Я уж отуречилась, обусурманилась, ради роскоши турецкой, ради несчастного лакомства!». [69]

Маруся Богуславка освобождает пленных их турецкой тюрьмы. Рисунок XX века

Профессиональным историкам сразу бросается в глаза гиперболичность рефрена о семистах невольниках, что уже «тридцать лет сидят в неволе, света божьего, солнца праведного не видят». Трудно себе представить, что прагматичные турки или татары, покупавшие рабов за большие деньги, просто посадят их в темницу на целых 30 лет!

Многие исследователи также обращают внимание на то, что пленница могла и сама бежать на родину, вместе с вызволенными узниками, однако не захотела отказаться от сытой жизни в роскоши. В качестве мотивации в одной из версии думы уточняется, что Богуславка родила от паши сына, а заканчивается дума символической молитвой оставшихся в рабстве православных людей.

*Ой визволи, боже, нас, всіх бідних невольників,
З тяжкої неволі.
З віри бусурменської,
На ясні зорі,
На тихі води,
У край веселий,
У мир хрещений!
Вислухай, боже, у просьбах щирих,
У нещасних молитвах
Нас, бідних невольників!*

Такая религиозная концовка не меняет сути и общего сюжета народного произведения, получившего огромную популярность. Классик украинской литературы Т. Г. Шевченко поместил её в своём букваре. М. Старицкий написал на основе думы драму «Маруся Богуславка». Советский композитор А. Свешников сочинил музыку для одноименного балета. Есть даже мультфильм «Маруся Богуславка», которые видели миллионы зрителей. Наконец, на родине героини думы установлен памятник, стоящий до сих пор.

Сравните эту украинскую думу с русской народной песней «Гибель полонянки», приведённой выше, и вы сами поймете, в чём тут разница. Или прочитайте в песеннике П.В. Киреевского драматический диалог между молодой воспитанницей-турчанкой и тещей-полонянкой, ставшей её няней. Турки заставляли рабыню три дела делать: «резвым ногам – дитя качать, белым рукам – гужель вертеть (прясти), ясным очам – гусей стеречь». Они обещали пленнице жить в тереме высоком, носить шубу соболиную, кормить

лакомствами заморскими. Однако русская няня отказалась от такой чести и ответила турчаночке:

*«Дитятко моё милое!
Не скину я шубу сыромятную,
Не надену шубу соболиную,
Не пойду я во высок теремок,
Лучше пусти меня на Святую Русь
К моим малым детушкам!» [70]*

По сюжету народной песни данная беседа завершается «хэппи эндом», как в доброй сказке. Благодарная воспитанница-мусульманка велит кучеру запрягать коней и везти свою «матушку» домой, на Святую Русь. Однако, в действительности, подавляющему большинству пленниц не удавалось вернуться на Родину. Всю оставшуюся жизнь они проводили в неволе, привыкая к другой жизни, другой вере. И таких рабынь по всем миру судьба разбросала десятки тысяч! Крымские и турецкие гаремы были переполнены рабынями-славянками. Русских жён имели не только Сулейман Великолепный и хан Сахиб-Гирей, но также многие знатные мусульмане.

Славянские рабыни, привезённые в Стамбул.
Кадр из фильма «Великолепный век» 2011 год

Сцена из балета “Бахчисарайский фонтан”

Для полноты картины женской неволи напомним ещё одно литературное сочинение, в данном случае классическое. Речь идёт о знаменитой поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В центре сюжета история любви крымского хана Гирея к польской наложнице по имени Мария, которая чувствует себя несчастной в плену. В поэме много нюансов, психологических портретов и ярких красок великого художника. Здесь мы приведём небольшой фрагмент, описывающий думы всемогущего хана и быт невольниц в крымском гареме конца XVII века.

*Что движет гордою душою?
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идёт войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор.
Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи лукавой?*

*Нет, он скушает бранной славой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.
Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру [неверному - Ред.] сердце отдала?*

*Нет, жёны робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,*

*Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень». [71]*

Пушкинская поэма о татарской пленнице вошла в золотой фонд отечественной литературы. На её основе был поставлен балет «Бахчисарайский фонтан» на музыку Бориса Асафьева, неоднократно демонстрировавшийся на лучших театральных сценах России, а позже записанный в виде фильма-балета.

Понятно, что романтическая повесть первой половины XIX века – это художественный вымысел, то что называется fiction в литературоведении. В этом жанре творили Джордж Байрон, Вальтер

“Бахчисарайский фонтан”. Художник К.Брюллов, 1849 год

Продажа ребёнка-невольника (фрагмент).
Художник В. Верещагин, 1882 год

Скотт, Николай Гоголь, Тарас Шевченко. Такие сочинения не могут служить основанием для научных выводов историка или социолога. Вместе с тем, гениальные произведения становятся популярными, общедоступными; они вводят широкий круг читателей в сложный круг исторических и философских проблем.

Этой же цели, помимо сугубо эстетических задач, служат картины живописцев, в деталях реконструирующие образы прошлого. Для иллюстрации пушкинской поэмы мы выбрали соответствующее полотно Карла Брюллова. Однако тема гарема, а шире – женской неволи, широко распространена в мировом искусстве. Достаточно назвать такие имена, как Жан Леон Жером, Густав Беланже, Фабио Фабби, Торнай Дьюла. Они акцентируют внимание не только на сюжете работорговли, но и на красоте обнаженного женского тела.

Из русских художников здесь уместно вспомнить Василия Верещагина, в частности, его картину «Продажа ребёнка-невольника». На тему торговли «живым товаром» есть художественная работа дореволюционного живописца С.В. Иванова, которая так и называется «Продажа невольника».

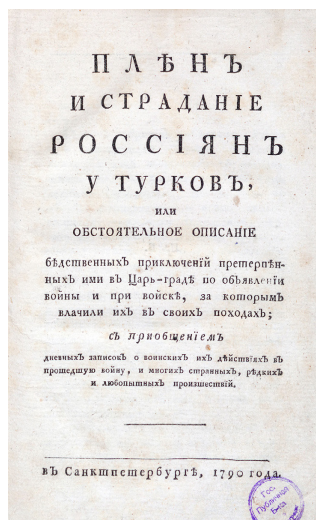
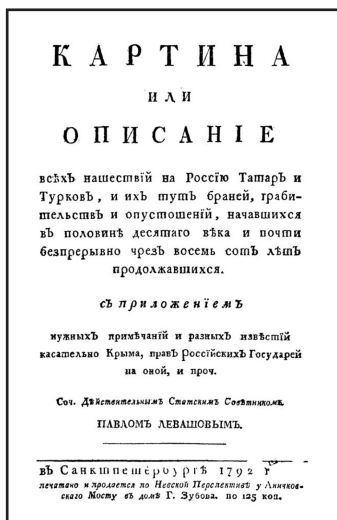
Рисунки и картины современных авторов здесь мы обсуждать не будем, потому что они пока недостаточно изучены. Заметим только, что на фоне избытка иллюстраций с обнажёнными рабынями и танцовщицами в гаремах, явно не достаёт качественных полотен, посвящённых каторжанам на галерах и восстаниям русских пленников в Турции.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

Русская и советская школа

В отечественной науке первое исследование о Крымском ханстве и его экспансии содержится в «Скифской истории» Андрея Лызлова. Он был современником царя Фёдора Алексеевича и царевны Софьи, участником крымских походов 1687-1688 годов в начале царствования Петра Первого. У него есть даже описание турецкого двора в Константинополе с упоминанием гарема и его традициями, правда, в пересказе из польских источников.

Специальное исследование русско-турецких войн и татарского разбоя принадлежит выдающему писателю, дипломату и статскому советнику, Павлу Артемьевичу Левашову. Название публикации говорит само за себя: *«Картина или описание всех нашествий на Россию Татар и Турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемьсот лет продолжавшихся»*. Она была написана в 1774 году, а издана в Санкт-Петербурге в 1792 году. Более того, у Левашова есть книга «Плен и страдания россиян у турков» (1790), поскольку он сам был в плену у султана, во время которого вёл дневник. Потом на его основе ветеран военных действий составил мемуарное произведение «Путешествие по Востоку».

Титулы первых изданий книг П. А. Левашова

Знаменитые историки России: Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский и другие, – не могли обойти вниманием тему крымско-татарских набегов, оказавших значительное влияние на развитие нашей страны, но задача летописцев в целом более универсальная, просветительская. В больших по объему, обзорных трудах встречаются отдельные факты о рабовладении в общем историческом контексте, иногда с подробностями и ссылками на источники.

Например, Николай Михайлович Карамзин, современник Пушкина, в своей классической «Истории государства российского» излагая эпизод, посвящённый уже упомянутому походу хана Девлет-Гирея на Москву в 1571, входит в детали при описании покорённой и сожжённой православной столицы:

«В три часа не стало Москвы: ни посадов, ни Китай-города; уцелел один Кремль, где в церкви Успения Богоматери сидел Митрополит Кирилл с святынею и с казною; Арбатский любимый дворец Иоаннов разрушился. Людей погибло невероятное множество: более ста двадцати тысяч воинов и граждан, кроме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятеля; а всех около восьмисот тысяч».

Престольный град долго не мог восстановить силы после неожиданного и жестокого набега бусурман. Первые дни после сильного пожара, спалившего деревянные сооружения, даже хоронить было некому. *«Только знатных и богатых погребали с христианскими обрядами; телами других наполнили Москву-реку, так что её течение пресеклось: они лежали горами, заражая ядом тления и воздух, и воду, а колодези осушались и были засыпаны: остальные жители изнемогали от жажды».* [72]

Когда некому разгрести горы трупов, тут уже не до пленных! Только через год бояре смогли собрать войско для отпора агрессору, а затем разбили армию Девлет-Гирея под Серпуховом, отняв у него часть награбленного добра и часть захваченных невольников. А всего ему удалось вывести в Крым более 100 тысяч пленных.

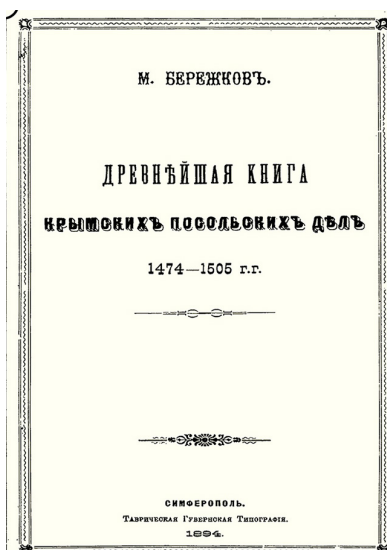
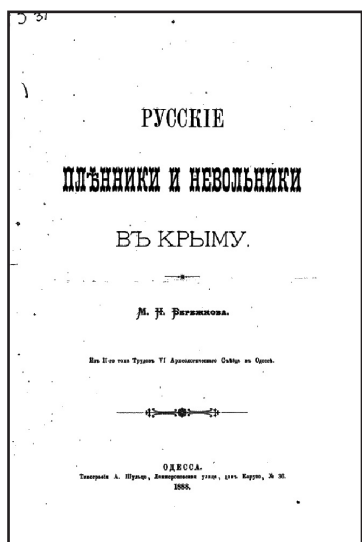
Много ценных сведений на интересующую нас тему содержится в фундаментальном исследовании Сергея Михайловича Соловьева «История России с древнейших времён», состоящем из 29 томов, собранных первоначально в 6 книгах. Они были опубликованы по частям с 1851 по 1879 годы и до сих пор считаются наиболее полным хранилищем сведений о прошлом с эпохи античности до заключения Кючук-Кайнарджийского мира России с Турцией в 1775 году. Для нашей работы наиболее ценными оказались тома, где описаны

события XIV-XVII веков, то есть эпоха формирования и расцвета Крымского ханства, а также судьба московской и польской «украины». Выдающийся учёный досконально описывает многие события прошлого, привлекая малоизвестные, архивные документы Посольского приказа, а также редкие издания летописей и малотиражные сборники археологических комиссий и исторических обществ. В частности, мы цитируем по Соловьёву послания крымских ханов, «челобитные грамоты» пленников, цифры и факты о набегах татар, казаков и турок.

Василий Осипович Ключевский, прямой ученик Соловьёва, ставший не менее известным историком, дал оценку последствий крымско-татарского терроризма для русской культуры той драматической эпохи. *«В продолжение XVI века из года в год тысячи [людей] пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах».* [73]

Нет возможности изучить внимательно все публикации отечественных историков, где есть упоминания о рабовладении в Крыму. Когда-нибудь эта кропотливая работа будет проделана коллективом специалистов с помощью новейших методов электронного поиска и контент-анализа. А пока придётся ограничиться обзором той литературы, что была доступна во время написания данной статьи.

Агрессивная внешняя политика Крымского ханства подробно исследована в трудах таких отечественных историков второй половины XIX – начала XX веков, как М.Н. Бережков, В.Д. Смирнов, Г.Ф. Карпов, В.М. Базилевич. В частности, у Бережкова есть отдельная статья «Русские пленники и невольники в Крыму» (Одесса, 1888). Она была представлена в форме реферата на VI Археологическом съезде в Одессе в 1884 году. Следуя по стопам Карамзина и Соловьёва, анализируя опубликованные к тому времени воспоминания современников, Михаил Николаевич дополнил имеющиеся работы новыми источниками и опубликовал первую специальное исследование по истории работорговли в Крыму.

Титулы первых изданий М.Н. Березкова

Многочисленные набеги татар на русские земли крымовец оценивает с экономической и моральной точки зрения: *«Это не были военные походы в собственном смысле слова, предупреждаемые объявлением войны через своих или чужих послов. Напротив, так как они имели целью кражу людей и грабёж добычи, то есть принимались втихомолку, с обманом и хитростями»*. [74]

Кроме того, у Березкова есть археографический труд под названием «Древнейшая книга крымских посольских дел 1474-1505 гг.», биографический очерк о крымской царице Нур-Султан, а также статья о плане завоевания Крыма, составленного Юрием Крижаничем в царствование государя Алексея Михайловича.

По убеждению отечественных исследований, разбойничьи набеги татар не позволяли их северным соседям спокойно заняться земледельческим хозяйством или промышленной деятельностью. Ежегодно, иногда даже несколько раз в год, хищные агрессоры разоряли села и города, грабили или сжигали имущество жителей, угоняли в неволю множество пленников. После продажи на портовых рынках десятки, а в целом – сотни тысяч людей, обращались в рабов. Самая тяжелая участь выпадала на долю тех невольников, которые отправлялись «на галеры», то есть поступали в собственность морского флота Османской империи, насчитывавшего несколько сотен судов. Причём значительную часть этих каторжан, если не большинство, составляли пленные из Руси. Вот как описывает

тяжелый, рабский труд гребцов Константин Мельник, переводчик и комментатор старинных текстов.

«Военные корабли того времени, так называемые галеры, двигались или на парусах, или, в случае отсутствия или нежелательного направления ветра, на вёслах; в виду этой потребности на палубах кораблей устроены были скамьи, на которых помещалось несколько сот скованных железными цепями невольников, которые принуждены были по целым суткам вращать тяжёлые весла, обуславливавшие движение галеры.

Непосильный труд, дурное содержание, жестокие наказания и бесчеловечное обращение доводили несчастных невольников до крайнего предела возможных человеческих страданий, из которого не предвиделось никакого выхода до смерти. Каторга, так называлась функция гребца на галере, в представлении южнорусского народа была синонимом беспредельной скорби и безнадежного бедствия, хуже которого ничего не могло создать даже пылкое воображение». [75]

В одном ряду с трудами Бережкова и Мельника стоят статьи дореволюционного автора И.В. Лучицкого «Русские рабы во Флоренции в XIV и XV веков» и «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV веков». Мы цитируем их в соответствующих разделах. Даже по названию публикаций видно, что это единое исследование, состоящее из двух частей.

Здесь же можно упомянуть также документированную монографию Г.Ф. Блюменфельда, «Крымско-татарское землевладение» (Одесса, 1888). Начав карьеру в качестве первого казённого раввина еврейских земледельческих колоний Херсонской губернии, он вскоре стал известным адвокатом, правоведом и педагогом, а накануне революции был избран сенатором. В интересующем нас труде Блюменфельд показал эволюцию положения рабов и вольноотпущенников в Крыму на протяжении жизни нескольких поколений, преодолев схематический подход к сложному явлению невольничества.

В начале советской эпохи господствовал марксистский метод анализа истории, с его экономическим детерминизмом, учением о смене общественно-политических формаций, классовой борьбе. При этом резко осуждалась политика царизма, все формы эксплуатации труда, а малые народы, пострадавшие в эпоху империализма, были представлены как невинные жертвы. Знаменитый историк-марксист М.Н. Покровский договорился до того, что считал рабов главным товаром Древней Руси.

В том же духе писал в 1930-е годы С. Бахрушин: *«Едва ли будет парадоксом сказать, что это занятие [торговля ясырем] было для них вполне закономерным средством для получения путём обмена необходимых им товаров и денег»*. [76] На самом деле, удивительно, что после пролетарской революции, разрушившей в Российской империи систему многовековой эксплуатации людей, вместо осуждения рабства в данной цитате советского автора мы видим его экономическое оправдание.

Достижения российской школы развили советские учёные: А.А. Новосельский, С.О. Шмидт, И.Я. Фроянов, М.В. Масаев, А.Р. Андреев, в трудах которых можно почерпнуть много ценных сведений и обобщений. Среди них для нашей темы весьма актуально исследование М. К. Старокадомской *«Очерки по социально-экономической истории Генуэзской Каффы конца XIII - первой половины XV в.»*, оформленной в виде диссертации 1950 года.

Из современных публикаций я бы выделил книги: В.В. Каргалова, А.Л. Хорошкевич, А.Г.Рагунштейна, А.Б. Широкограда, где даны широкие панорамы интересующих нас событий. В монографии Станислава Чернявского *«Крымская империя: от ханства к Новороссии»*, изданной в Москве в 2016 году, то есть уже после воссоединения Тавриды с Россией, есть целый раздел, посвящённый теме рабовладения. В нём обобщены литературные источники, прокомментирована спорная статистика, а главное – сделана попытка систематизировать соответствующие данные. В итоге автор, охочий до смелых высказываний, выносит приговор татарской работорговле: *«Паразитическая степная империя не смогла ответить на новые вызовы, предъявленные историей, и гибель её стала вполне закономерной»*. [77]

Нельзя не упомянуть и тематические статьи 2000-х годов, которые были учтены при написании нашего исследования: О. Иванова *«Крымский полон. О судьбах русских людей, уводимых в XVI веке в плен крымскими татарами»*; В. Жукова *«Общая милостыня. Выкуп пленных Московском государством из Крыма в середине XVII века»*; М. Кизилова *«Крым и торговля рабами в Чёрном море. Как это было»*; М. Логинова *«Вре́мён очаковских и покоренья Крыма»*; С. Гелани *«Крымско-татарская работорговля»*. Они содержат не только важные факты, но и ценные ссылки на первоисточники. [78]

Из журнальных публикаций мне близка по сути и по выводам статья Михаила Кизилова. Вот его резюме: *«Основным доходом Крымского ханства с 1475 года по 1774 год была именно работорговля. Многочисленные европейские, османские*

и российские источники рисуют нам ужасающую картину опустошения Южной России, Украины, Польши и Кавказа, откуда ежегодно в результате разбойничьих набегов вывозились в Крым тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей. По приблизительным оценкам Д. Колоджейчика, в год в Крым в среднем попадали около 10 000 славянских пленников. Таким образом, за два века – с 1500 года по 1700 год - в плен были уведены около двух миллионов славян из России и Польши. Колоссальная цифра – и это отнюдь не преувеличение». [79]

К сожалению, не все русскоязычные авторы, исследующие историю Крымского ханства и Генуэзских факторий, уделяют достойное внимание теме рабовладения. Приведём примеры из престижного, можно сказать, официального или «подарочного», издания «Крым: от древности до наших дней» (Симферополь, 2012). Этот тяжелый фолиант альбомного формата в 656 страниц, над которым трудился большой коллектив специалистов, стал в 2011 году лауреатом Государственной премии Автономной Республики Крым (тогда в составе Украины) и Всероссийского конкурса «Лучшая книга года».

В статье Е.А. Айбабиной «Крымский улус Золотой Орды», включенной в это фундаментальное издание, где подробно рассказывается о торговле, есть только одна строчка о рабах: *«Генуэзские документы содержат сведения о массовой продаже невольников, осуществлявшиеся через генуэзские фактории»*. А в другой статье «Генуэзцы в Крыму», в том же томе, Айбабиной добавлена ещё одна короткая фраза: *«Немалую прибыль приносила работорговля. В Европу вывозили такое большое количество рабов (черкесов, абхазцев, грузин, татар, русских), что, опасаясь социальных возмущений их стали оправлять в Египет»*. [80] Оказывается, что тысячи невольников экспортировали из Кафы в Малую Азию и Африку не по стратегическим соображениям, а ради безопасности.

По другому субъективна публикация В.А. Сидоренко «Крымское ханство» в том же монументальном издании. Будучи специалистом по нумизматике, автор более обстоятельно рассматривает экономическую, политическую и военную жизнь татар. Касаясь темы набегов ногайцев и азовцев вглубь Российского государства, он без указания статистических данных пишет, что *«они велись ради грабежа и захвата пленных»*, в целом не препятствуя русской политике укрепления южных рубежей. Рассказывает, как вопреки воле хана и султана, за короткий срок были построены города Воронеж, Ливны, Белгород, Оскол. При

этом, немного странно звучат фразы Сидоренко об «успешном» походе хана Девлет Гирея в 1571 году, в ходе которого ему «удалось сжечь Москву», а также «русской угрозе» Крыму и опасности «реванша русских» после неудачных походов Голицина. [81]

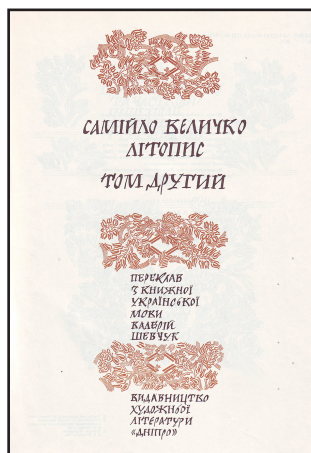
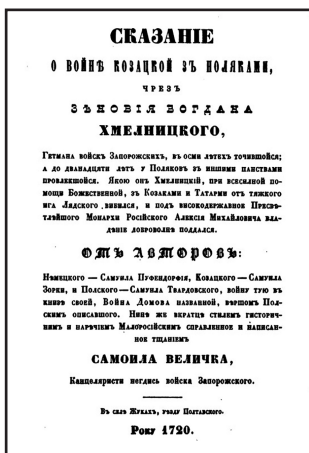
В качестве обобщающей точки зрения современных русских учёных можно считать гораздо более объективную и полную по сведениям веб-публикацию «Крымско-ногайские набеги на Русь» из Википедии. Судя по большому количеству точных ссылок и списку специальной литературы, это исследование принадлежит коллективу авторов или руководителю группы учёных. В большой по объёму и хорошо продуманной по структуре статье дан обзор всех наиболее важных фактов и последствий агрессии Крымского ханства. Показаны разнообразие маршруты (шляхи) татарских нашествий. Проанализирована стратегия и экономика военно-феодалного хищника, которая толерантно называется «набеговым хозяйством».

«Основной целью набегов на русские земли, политически разделённые в этот период между Российским государством и Речью Посполитой (до 1569 года — Великим княжеством Литовским), являлся захват ясыря, то есть невольников, — говорится в энциклопедической статье. — Они продавались в рабство в Османскую империю и прилегающие средиземноморские (в том числе, христианские) государства, либо оставались в качестве рабов в пределах самого Крымского ханства».

Здесь нет попытки оправдать разбойников. Наоборот, авторы строги и категоричны в своих выводах: *«Во всех украинско-польских сражениях крымско-татарские отряды выявили себя как ненадёжные союзники, преследовавшие в войне только свои цели, грабившие население и выводившие в Крым для продажи пленных».* *«Набеги были серьёзным фактором истощения как людских, так и материальных ресурсов России и Речи Посполитой».* [82]

Украинские фальсификации

Своеобразно складывалась украинская историческая школа. Она начиналась с известий летописцев XVII века, документальных свидетельств казачьих писарей, переводов польских и литовских хроник. На смену сравнительно объективным трудам А.Н. Бантыш-Каменского и Н.И. Костомарова, где речь шла о драматическом пути Малороссии, пришли книги П.А. Кулиша и М.С. Грушевского, где проявилась тенденция ярко выраженного киевоцентризма в пику «москowitzству». Тенденциозность авторов дошла до украинизации казачьих летописей и явных фальшивок.

**Русское издание подлинника и современный украинский перевод
казачьих летописей С. Величко**

Дело в том, что подавляющее большинство казаков, как мы уже показали выше, считали себя русичами или «русинами». Они помнили славу княжеского Киева, походы варягов на Царьград и не отделяли историю Малой и Белой Руси от судьбы Великой России. Выдающийся казачий историограф С.В. Величко называл себя «верным сыном и слугой Малой России». При этом он был явным русофилом, был близок к промосковски настроенному Василию Кочубею, генеральному войсковому судье, за что был отстранён мазепинцами от должности канцеляриста.

Подлинники тексты документов, написанных на литературном русском языке той эпохи с элементами малороссийского диалекта в 1720 году, были изданы в 1848-1864 годах в Киеве специальной комиссией для разбора древних актов. Современные националисты-«незалежники» по идеологическим соображениям решили перевести аутентичный сборник Величко на «украинську мову», также как они перекладывают сегодня на свой родной язык «Слово о полку Игореве», сочинения Пушкина или Гоголя. В результате у наивного читателя создаётся иллюзия, что перед ним «украинские летописи». Слава Богу, что хоть имена остались прежними, поэтому умный и образованный человек правильно поймёт смысл даже в переводе. Вот пример из включенной с сборник «Поэмы анонимного автора про Чигиринскую войну»:

*Іншим разом в Руський край краще не з'являться
А колы спокуса ще, турчине, спокусить,
То побачиш, що візьмеш, те покажут руси». [83]*

Явные фальсификации, смысловые натяжки и произвольные комментарии переполняют сочинения М.С. Грушевского, автора многотомной «Истории Руси-Украины». Он главный идеолог «украинства» как мировоззрения, председатель первой Украинской Центральной Рады и автор Универсала, провозгласившего Украинскую Республику как «независимое суверенное государство». В условиях нынешней войны следует отнестись к его трудам с особым вниманием, потому что из них, как из корня, растут ветви доктрин нынешних украинских националистов, так называемых «свідомих». Вместе с тем, придётся извиниться перед читателем за слишком частое употребление слова «Украина», но эту необходимость диктуют первоисточники.

Образно говоря, Грушевский ставит телегу впереди лошади, а по сути подменяет государственное понятие Русь на географическое «Украина», что значит «окраина», «край», «пограничье». В результате славяне и другие племена, проживавшие на территории юго-западной Руси, у него называются «украинскими»; древнерусские города, такие как Киев, Львов, Чернигов, становятся «украинскими землями»; эти территории после сожжения и разорения Киевского княжества монголо-татарами вновь «собрала» Польша; в антимосковском духе трактуется история казачества, гетманщины, мазепинства; с восторгом прослеживается развитие «украинского» политического и литературного движения, вплоть до революций 1905 и 1917 годов.

При описании Литовской Руси, превратившейся из данника русичей в их повелителей, Грушевский иногда берёт слово «Русь» в кавычки, хотя Киев, Полоцк, Минск, Смоленск, находясь в составе Речи Посполитой, сохраняли свои вековые традиции, включая родной язык и православную веру. Об этом есть документальные свидетельства, например, «Статут Великого Княжества Литовского», церковные книги и даже петиция киевской шляхты (знати) к королевскому сейму с требованием сохранить права русского языка в условиях полонизации. Там прямо говорится, что недопустимо вести документы на латинице. Зная эти факты, историк-националист даже в названии местной Православной Церкви слово «Русская» берёт в кавычки, а при этом с иронией цитирует народную поговорку той эпохи: «*Руси нет, есть попы и хлопы*», то есть только священники и подневольные слуги.

Вместо Руси фальсификатор вставляет при первой возможности, а часто и неуместно, понятия, производные от слова «украина». Везде у Грушевского «жизнь украинского общества», «украинская шляхта», «украинское своеволие». Гетмана

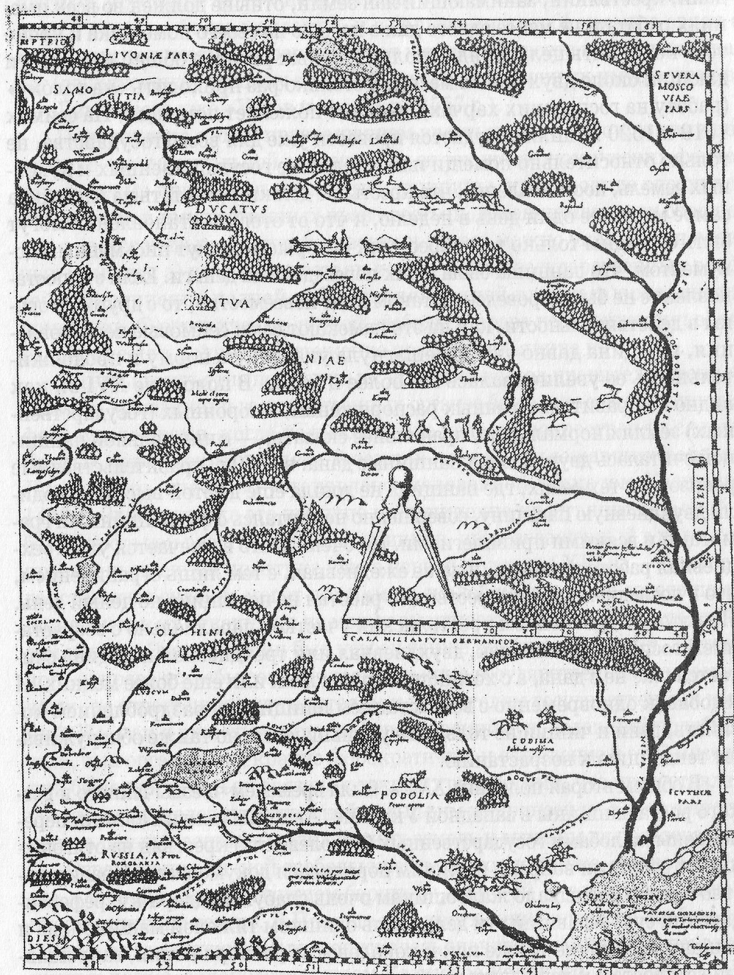
Хмельницкого, предводителя народного восстания, называвшегося себя «освободителем Руси», «русским шляхтичем» и «русским самодержцем», Грушевский именует *«украинским Моисеем»*. При этом военный поход запорожцев под началом Москвы с целью освобождения Белой Руси от польского гнёта он трактует как «оккупацию Белоруссии».

Казачья политика лавирования между сильными державами, по мнению автора «Истории Украины-Руси», была продуманной «системой союзов», целью которых было сдерживание Московского царства и раздел Польского королевства. Да, именно раздел на части Речи Посполитой, ради чего гетман Хмельницкий подчинился воле даже Шведского короля. Апология самостийности доходит у Грушевского до надуманных оправданий типа того, что Хмельницкий, якобы *«отягощенный зависимостью от Москвы»*, *«не находил нужным считаться с обещаниями»*.

А как он видел Крым? Как оценивал Крымское ханство? По мнению Грушевского, Крымские татары в течение двух столетий были «чрезвычайно важным и пагубным фактором в истории украинской жизни». *«Крымская орда показала свою страшную разрушительную силу на украинских землях Литвы и Польши одновременно с завоеваниями Москвы»*. Как и следовало ожидать, *подтасовщик фактов ставит в один ряд несопоставимые явления: грабительские, опустошительные набеги татар и поддержку православных братьев в деле освобождения святой Руси*. [84]

Зарубежные авторы, родом из Украины, такие как Орест Субтельный и Теодор Мацків, создали апологии не только буйного Богдана Хмельницкого, но и Ивана Мазепы, получившего от царя Петра Великого «орден Иуды». Они стали выдавать местничество, сепаратизм, авантюризм вольного казачества за национальную стратегию. Им следовали некоторые авторы из Киева и Львова. Акцентируя внимание на Украине, самостийники истолковали известный факт преобладания в XVII веке славянских пленников среди рабов крымчан как «украинизацию татар». Высказывается даже мнение, что в тот период вторым языком в Крыму был польский, а разговорным – украинский. Современная наука отвергает эти выводы, доказывая незначительный вклад малороссов в генетическое и культурное разнообразие крымско-татарского народа. Хотя общее влияние европеоидной расы на облик тюркской элиты в результате смешанных браков и взаимодействие культур очевиден.

В качестве дополнительного примера сознательного искажения истории приведём пример из области картографии. Нет необходимости доказывать значение исторических карт, с

Карта Украины 1570 г. (Заднепровье отсутствует, как еще не заселенное)

Фальсификация карты “Украины”, которой в XVI веке не существовало

помощью которых удаётся обобщить многие события прошлого в краткой, наглядной и доступной форме. Здесь сложнее вычеркнуть факт существования того или государства или княжества. Однако фальсификаторы находятся и в этой области знаний. Мы уже упоминали знаменитую карту Бонплана середины XVII века, где «Украина» является синонимом «Дикого поля» и, разумеется, изображена без Крыма. В 1829 году она была переложена с латыни на русский язык историком Бантыш-Каменским и опубликована как «Карта, представляющая Малороссию под владением Польским». Однако «свідомым» недостаточно топографического свидетельства эпохи казачьих войн XVII века, когда понятия «польская украйна» и «московская украйна», действительно, были в употреблении. И они публикуют в качестве иллюстрации к книге Грушевского фрагмент анонимный карты без подписи в оригинале, которому дают название «Карта Украины 1570 года» с глупым комментарием «*Заднепровье отсутствует, как ещё не заселённое*». Любый человек, знающий латинские буквы, может прочитать на изображении имена регионов: Russia, Podolia, Volhinia, Ducatus Lituaniae, Moscovia pars. То есть, Руссия, Подолье, Волынь, Литовское княжество, часть Московии и т.д. Никакой Украины здесь нет! Однако упёртые провинциалы даже карты Древней Руси подписывают «Давняя Украина». Разве это не явная фальсификация?

Апологеты Крымского ханства

Наконец, сами татары и апологеты Крымского ханства имеют свою собственную историографию, порой объективную, а иногда тенденциозную. Типичный образец тридцатилетней давности – книга В.Е. Возгриня «Исторические судьбы крымских татар», М., «Мысль», 1992. В ней история полуострова за Перекопом подана с любовью, доведённой до лакировки. А как известно, от идеализации до мифологизации – один шаг.

Возгрин исходит из тезиса о том, что крымские татары не были первыми работоторговцами в Тавриде, а только «скромными учениками». До них были генуэзцы, а ещё раньше – русские. Когда крымчаки втянулись в прибыльный бизнес, то вовсе не они преобладали в захватнических походах, а татарские орды ногайские и буджакские, наряду с казаками и кубанцами. Среди этнически пёстрого войска были даже «разбойники, переодетые в татар».

С тезисом о значительной роли степных кочевников в бесчисленных набегах можно согласиться. При этом следует напомнить, что причерноморские степи и часть северного Кавказа,

подконтрольные татарам, входили в состав Крымского ханства, наследника Золотой Орды.

Основываясь на советской и дореволюционной литературе, автор стремится оправдать и приукрасить систему рабовладения в Крыму. В данном вопросе он выступает скорее в качестве адвоката и идеолога, нежели объективного исследователя. По мнению Возग्रина, *«походы с целью воинской добычи не считались чем-то постыдным», «охота на людей повсеместно рассматривалась в ту эпоху как занятие ничем не хуже другого»*. Осуждая жестокость казаков по отношению к пленным, иногда доходившую до зверства, Возгрин иронично называет её *«бесмысленной порчей товара»*. [85]

Мы уже говорили об исторической неизбежности рабства, даже в эпоху Нового времени, вместе с тем следует заметить, что этические оценки этого социального явления не были одинаковыми. Есть документы свидетелей, резко осуждающих рабство уже в XVII веке. Например, Эвлия Челеби, путешественник из Османской империи, посетив невольничий рынок в Карасубазаре, написал следующее: *«Человек, который не видел этого рынка, ничего не видел в этом мире. Мать отделяется там от сына и дочери, сын – от отца и брата, и они продаются среди плача, криков о помощи, стенаний и печали»*. [86]

В таком же сочувственном тоне описывает торговлю живым товаром в Крыму упомянутый Бонплан: *«Самое жестокое сердце тронулось бы при виде, как татары разлучают мужа с женой, мать с дочерью, без надежды когда-нибудь снова им увидеться; самый хладнокровный человек пришел бы в содрогание, слыша дикое веселье татар, плач и вой несчастных русских»*. [87]

Адвокат невольничества Возгрин, наоборот, выискивает в источниках такие факты, которые идеализируют работоторговцев. *«Головки детей выглядывают из мешка, подвешенного к луке седла; молодая девушка сидит впереди, поддерживаемая левой рукой всадника, мать — на крупе лошади, отец — на одной из запасных лошадей, сын — на другой; овцы и коровы — впереди, и все это движется и не разбежится под бдительным взором пастыря. Ему ничего не стоит собрать свое стадо, направлять его, заботиться о его продовольствии, самому идти пешком, чтобы облегчить своих рабов...»*, – с умилением цитирует автор французского барона Тотта, воевавшего на стороне турок.

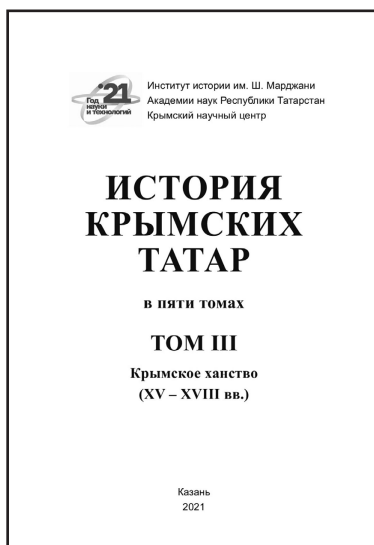
Какая трогательная забота разбойника или перекупщика живого товара! Как бы его не испортить, довести до невольничьего рынка в целостности и невредимости, а затем – продать подороже.

Оправдывая и обеляя крымцев, Возгрин в целом рисует идиллическую картину, где местные жители полуострова занимаются садоводством, земледелием и разведением домашнего скота. А на войне они ведут себя «не хуже других». Поэтому татар, по его мнению, «нельзя обвинять в бесцельной жестокости». [88]

В таком же духе пишет о татарах Айдер Заркави, автор «Очерка о работорговле в Крыму и сравнение с торговлей рабами в остальном мире», опубликованного в журнале «Дилетант» (2015). Он стремится развееь устойчивое представление о татарской агрессии, в частности пишет: «Утверждать, что Крымское ханство — государство разбойников и торговцев рабами, абсолютно неправильно и несправедливо с точки зрения самой истории торговли рабами, ибо в контексте истории это было совершенно нормальным занятием, которое регулировалось законами и которым промышляли практически все страны, тогда существовавшие, и мусульманской, и христианской веры» [89].

Нынешние националисты исламской школы пытаются утаить или переписать наиболее позорные страницы истории своего народа, а его достижения – сознательно восхваляют. По их мнению, христиане не подвергались жестокому обращению со стороны рабовладельцев и торговцев живым товаром, а попав в плен к мусульманам добровольно переходили в ислам. Даже некоторые сугубо научные труды не лишены этого существенного недостатка.

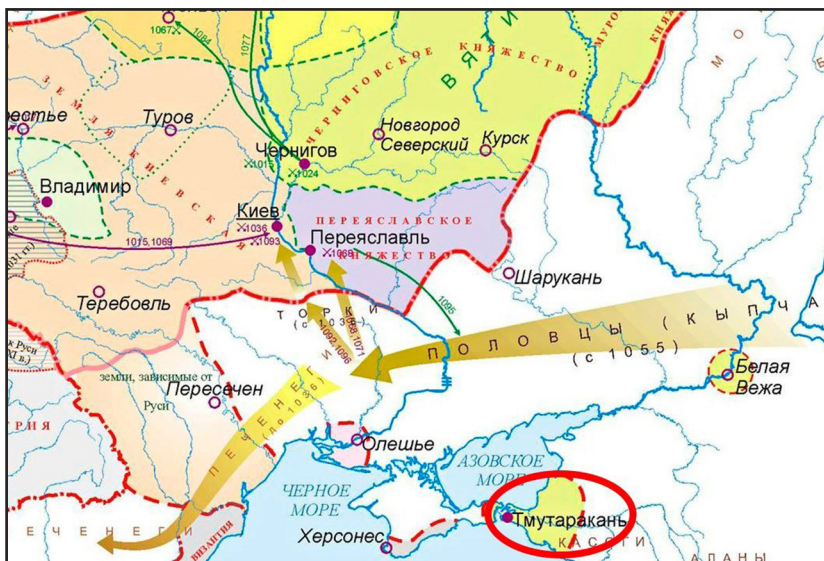
Для наглядности приведём примеры из новейшего энциклопедического издания «История крымских татар в пяти

томах», которое подготовил к печати большой авторский коллектив под эгидой Академии наук Республики Татарстан, Института истории им. Марджани в Казани и Крымского научного центра. Подобных по масштабу и полноте исследований о крымских татарах до сих пор не было. В томе III, вышедшем в свет в 2021 году, есть целый раздел под названием «Рабы и работорговля в Крымском ханстве». Его авторы: В.Д. Жуков, О.Д. Рустемов и А.А. Шейхумеров.

Книга начинается с грубейших ошибок уже во втором абзаце предисловия Р.С. Хакимова, д.и.н., вице-президента Академии Наук Республики Татарстан. Он пишет: *«Крым и Причерноморье заселяли тюркские племена со времён скифов и гуннов. Татары появились на этих землях в 1123 году вслед за битвой на Калке»*. [90] Во-первых, скифы и гунны относятся к разным эпохам: первые – к последним столетиям античности, а вторые – к началу средневековья. А тюрки начинают экспансию в Северное Причерноморье после VII века, когда была создан Хазарский каганат. Во-вторых, битва на Калке была не в 1123, а в 1223 году, на целое столетие раньше, то есть 800-лет тому назад, что стало поводом для русских историков достойно отметить данный юбилей. В-третьих, монголо-татарское войско Джебе и Субедея, прежде чем проникнуть в Приазовские степи из Северного Кавказа, отрезали от древнерусских земель их причерноморские владения, а именно Тмутараканское княжество, возникшее ещё в X веке. Захватив Судак (по-русски Сурож), татары вытеснили с полуострова русов и византийцев. Затем последовали другие набеги, которые завершились созданием в 1242 году улуса Золотой Орды под названием «Крым», что по-тюрски значит «ров». [91]

Парадоксально выглядит вводный тезис о том, что тема рабовладения в Крыму хотя относится к числу *«наиболее широко представленных тем в историографии»*, вместе с тем является *«одной из наименее изученных»*. Вопреки весьма солидному обзору исследований русских, польских, украинских, турецких, немецких и англоязычных авторов, содержащихся в том же томе, главный редактор издания И.В. Зайцев утверждает, что в российской и западноевропейской историографии долгое время господствовали представления о примитивном уровне развития экономики в татарском Крыму: *«Ханство представлялось паразитическим государством, где отсутствовали земледелие и ремесло, а все доходы сводились к транзитной торговле рабами, захваченными в грабительских походах на русские, польские и кавказские земли»*. [92]

Тмутараканское княжество на карте Древней Руси XI века

Лично мне такое оскорбительное утверждение кажется клеветой, потому что надо быть полным идиотом, чтобы отрицать наличие земледелия и ремесла в регионе с многотысячелетней историей. Да и с логической точки зрения вывод Зайцева неверный: военные действия и торговля пленными не исключают сельскохозяйственный характер экономики государства, от имени которого действует агрессор.

Авторы главы о работорговле пытаются доказать, что «не было черно-белого мира в виде «мусульман-угнетателей» и «христианских жертв». Мол, христиане и караймы сами владели рабами различного происхождения и вероисповедания. Да, на Руси использовался подневольный труд; казаки «Государевой украины» ходили за ясырём, как и татары, однако в Московском царстве не было массовой торговли рабами, как в Крымском ханстве.

Ссылаясь на труды современного польского историка Л. Подгородецкого, написавшего нескольких книг о прошлом Польши, Литвы, Руси, Украины и Крыма, авторы пятитомного издания стремятся убедить читателя, что «татарский плен был лотереей, в которой можно было получить тяжкий труд либо возможность неплохо обустроить свою жизнь и сделать карьеру». Они признают, что последний вариант был менее вероятным, но в качестве примера успеха приводят случай, когда бывший раб-поляк, ставший мусульманином, был назначен надзирателем над

другими невольниками. И это считается «удачной карьерой»? Таких предателей у нас в то время называли «*рenegатами*» или «*христианскими недоверками*», а во время Великой Отечественной войны либо расстреливали как сознательных «*коллорабоналистов*», либо отправляли в исправительные лагеря. [93]

Вполне возможно, что среди сотен тысяч жертв единицам невольников выпадала относительно более счастливая судьба. Кому-то попадались более гуманные рабовладельцы и может быть даже добрые хозяева. Однако в целом условия жизни были ужасными, а обращение с подневольными было жестоким, порой даже зверским.

В дополнение к изложенному выше приведём слова очевидца Михайла Литвина, которого мы уже цитировали по другому поводу. Размышляя о причинах варварского отношения с людьми во время плена, он воспроизводит слова своего соотечественника, попавшего на невольничий рынок в Кафу: «*Нас много товарищей вместе [попавших в беду], и те, которые остаются здесь, в Тавриде, подвергаются не лучшей участи: они покрыты клеймами, поколоты, лица их обезображены; и дома не лучший конец испытали наши близкие, как это нам хорошо известно: мы видали, как их убивали, обезглавливали, разбрасывали их отрубленные члены и головы; жестокий враг ради гадания бросал их трепещущие сердца в огонь, вырывал их лёгкие и обнажал внутренности, собирал их желчь для приготовления мазей*». [94]

Одной из причинных многочисленных смертей невольников, наряду с антисанитарными условиями транспортировки и проживания, были эпидемии. Они вызывали массовые моры среди рабов. Зная об этих достоверных фактах, идеологические ангажированные авторы пятитомника лукавят, что о смертности среди невольников им судить довольно трудно: «*Вероятно, медицинская помощь им предоставлялась в меньших объёмах, чем свободным людям*». Если считать «*медицинской помощью*» убийство нетрудоспособных стариков, немощных невольников и голодомор рабов, о чём свидетельствуют многие очевидцы и современники, то тогда рабовладельцев следует признать «*добродетелями*», а попавших к ним в неволю пленников – «*счастливыми*».

Несопоставимы также масштабы многовековой работорговли в Крымском ханстве с отдельными, пусть даже многочисленными, случаями пленения самих крымцев. Никто не отрицает тот факт, что сами агрессоры нередко становились жертвами. Иногда они теряли

свободу в результате казачьих или калмыцких набегов. Понятно, что жизнь в плену и для татар была бедой. Рабов задействовали на тяжелых работах, и они сталкивались с жестоким обращением, также как везде. И даже 2-3 тысячи татарских невольников в России, упомянутые в 1690-м году придворным хана Селима Герая, или 4 тысячи пленных, о которых рассказывает в своих летописях Самуил Величко, это существенные цифры. Однако они на порядки ниже тех потерь, которые регулярно несли славяне.

И если утрата нескольких тысяч сородичей для татар – это катастрофа, то как оценить потери русских в сотни тысяч жертв? Может быть, наиболее подходящий термин здесь – геноцид?

Как мы видим, точки зрения различных научных школ на одну и ту же проблему и их оценки весьма отличаются друг от друга. Поэтому нельзя верить первому попавшемуся источнику, любой книге, даже если это энциклопедия.

Про достоверность данных интернета здесь мы говорить не будем. Там господствуют штампы и кальки с западных публикаций, где жители южной Руси называются «поляками», русские казаки – «украинцами», а воссоединение Тавриды с Россией – «аннексией Крыма».

Есть целая сфера идеологической деятельности под названием «информационная война». Неопытному взгляду трудно сразу разобраться, где объективные сведения, а где преднамеренная ложь, где «утка» или «фейк», а где правда-матка.

Общие выводы и предложения

Мы можем сделать вывод о том, что историческая тема работорговли в Крыму имеет большое значение, не только научно-познавательное, но также нравственное, морально-этическое. Вместе с тем, вопиющие факты надругательства над человеческим достоинством до сих пор остаются неизвестными широкому кругу общественности.

Два миллиона наших соотечественников, пострадавших от рабства в неволе, когда Русь на несколько веков превратилась в поле охоты за невольниками, сопоставимы с общим количеством русских воинов, погибших во всех сражениях за Крым. Наряду с колоссальными генетическими потерями, огромный ущерб был нанесён нашему Отечеству при разрушении городов, сёл и станций, подверженных разбойничьим набегам, включая столицу Москву.

И если принято говорить об исторической несправедливости по отношению к малым народам, то исторически справедливо

обсудить трагическую судьбу миллионов русских и славян, которые стали жертвами крымско-татарской работорговли, помня, что сами русские не занимались массовой торговлей живыми людьми. Наоборот, в период колонизации Крыма царская власть давала привилегии местной знати, чтобы включить её в имперскую структуру.

Понимая деликатность темы межнациональных отношений в Российской Федерации, следует признать, что было бы вполне справедливым и гуманным создать на полуострове памятник, осуждающий работорговлю как метод безжалостной эксплуатации людей. Тем более, что даже в наше время, в начале XXI века, были рецидивы этого преступного бизнеса.

Скорее всего, именно Феодосия, бывшая Кафа, подходит в качестве места для установки соответствующего памятника. Именно здесь, в городском сквере ныне процветающего курорта, где мирно проживают и отдыхают люди многих национальностей, а когда-то был невольничий рынок, подобает воздвигнуть храм или иной символический знак в память о жертвах работорговли в Крыму, независимо от их этнического происхождения и вероисповедания.
[95]

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

[1] Тафур Перо. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Tafur_Pero/frametext1.htm (дата обращения: 21.01.2024).

[2] Шарль де Пейссоннель. Трактат о торговле на Чёрном море// http://apsnyteka.org/766-peisonnel_sh_traktat_o_torgovle_na_chernom_more.html

[3] Лучицкий И.В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV-XV веках. Киев, 1886. С.9.

[4] Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в (преимущественно по данным массарий Каффы) / М.: Византийский временник, 1986. Т. 46; Карпов Сергей. Итальянские купцы привозили из Крыма русских жен и рабов. https://aif.ru/society/history/sergey_karpov_italyanskie_kupcy_privozili_iz_kryma_russkih_zhen_i_rabov?ysclid=lrjlkosxq2545904739 (дата обращения: 21.01.2024).

[5] Crimean–Nogai slave raids in Eastern Europe. https://en.m.wikipedia.org/wiki/Crimean%E2%80%93Nogai_slave_raids_in_Eastern_Europe (дата обращения: 21.01.2024).

[6] Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму / Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 году. Т.2. Одесса, 1888. С. 348.

[7] Чернявский С.Н. Крымская Империя. От ханства к Новороссии / М.: Вече, 2016. С. 274-282.

[8] Малоизвестные исторические факты о невольничьих рынках в Крымском Ханстве. <https://fb.ru/post/history/2019/1/16/51465?ysclid=lrjmyjrjum172067635> (дата обращения: 21.01.2024).

[9] Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886// <https://likefirenze.ru/2022/06/02/иван-васильевич-лучицкий-рабство-и-ру-2/>(дата обращения: 21.01.2024).

[10] Пензер Норман. Гарем. История, традиции, тайны. Пер. с англ.. М.: Центрполиграф, 2022. С.199-221. <https://rikonti-khalsivar.narod.ru/Penzer.htm?ysclid=lrjmrn3ewl656899169> (дата обращения: 21.01.2024).

[11] Рабы и работорговля в Крымском ханстве / Реальное время. <https://realnoevremya.ru/articles/288221-raby-i-rabotorgovlya-v-krymskom-hanstve?ysclid=lrjn2h1ilp461315433> (дата обращения: 21.01.2024).

[12] Паркер, П. Дж. «Великолепный век» Сулеймана и Хюррем-Султан. М. 2013. 382 с.

[13] Карпов С.П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV— начало XV в.) / Византийские очерки. М., 1982. С. 191—207.

[14] Тафур Перо. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Tafur_Pero/frametext1.htm (дата обращения: 21.01.2024).

[15] Старокадомская М.К. Очерки по социально-экономической истории Генуэзской Каффы конца XIII - первой половины XV в. М. 1950. 14 с.

[16] Разбойно-паразитическое Крымское ханство и борьба с ним / Военное обозрение. <https://topwar.ru/38122-razbojno-paraziticheskoe-krymskoe-hanstvo-i-borba-s-nim.html> (дата обращения: 21.01.2024).

[17] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т.5. Гл. 4. М.: Мысль, 1989. С. 90.

[18] Бережков М.Н. Нур-Султан царица крымская / Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 27.

[19] Герберштейн Сигизмунд фон. Записки о московитских делах. Спб.: А.С. Суворин, 1908. С.151.

[20] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Пер. К. Мельник / Под ред. В. Антоновича). Вып. 1. Извлечение из сочинения Михайла Литвина. Киев, 1890. С.19; Литвин, Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян (1550 г.). https://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm (дата обращения: 21.01.2024).

[21] Цит. по: Иванов О.А. Крымский полон. О судьбах русских людей, уводимых в XVI веке в плен крымскими татарами / «Московский журнал». 2014. № 5 (281). С.38.

[22] Тулаев П.В. Российский Крым: обзор большой истории. М.: Академический проект, 2023. С. 93-94.

[23] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 6. Гл. 5. М.: Мысль, 1989. С. 588.

[24] Бронёвский Мартин. Описание Крыма / Пер с латинского И.Г. Шершеневича / Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. Цит. по: Иванов О.А. Крымский полон. О судьбах русских людей, уводимых в XVI веке в плен крымскими татарами / «Московский журнал». 2014. № 5 (281). С. 36.

[25] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т.4. М.: Мысль, 1989. С. 257.

[26] Цит. по: Павленко Сергей. Восстание мазепинцев. Мифы и реалии. Историко-документальные очерки. Чернигов, 2009. <https://www.rulit.me/books/vosstanie-mazepincev-mify-i-realii-read-462697-1.html?ysclid=lrju7wtjwj291300130> (дата обращения: 21.01.2024).

[27] Podhorodecki Leszek. Chanał Krymski i jego stosunki z Polską w XV-XVIIIw. Warszawa: Książka i wiedza, 1987. Дополнительные данные в статье «Черноморская работорговля: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d9e9a5c3-65abb975-7a7e5f2f-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Black_Sea_slave_trade

[28] Цит. По: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. История России с древнейших времен. Кн.VI. Т. 12. М.: Мысль, 1989. С. 396.

[29] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С.89-90.

[30] Жуков В. Общая милостыня. Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века / «Родина». 2014. №11. С. 95-97.

[31] Тулаев П.В. Судьба русской Тавриды: история освоения Крыма от древности до нашего времени. М.: Вече, 2017. С. 86. ISBN 978-5-4444-5771-9

[32] Лучицкий И.В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. Киев, 1886. С.11-12.

[33] Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 256 с.

[34] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. История России с древнейших времен. Том.10. Гл.2. М.: Мысль, 1989. С.445.

[35] Там же. Кн.VI. Т.12. Гл.1. С.395-396.

[36] Иванов О.А. Крымский полон. О судьбах русских людей, уводимых в XVI веке в плен крымскими татарами / «Московский журнал», 2014. № 5 (281). С. 36.

[37] Сервантес, Диас-Плаха Ф. Тернистый путь Победителя. Пер. с испанского: Тулаев П.В., М., 2022 (препринт на правах рукописи).

[38] Кизилов Михаил. Зачем запорожские казаки ходили походами на Крым / «Русская семерка». 2018. №3(7). С. 38-40. <https://russian7.ru/post/zachem-zaporozhskie-kazaki-khodili-pokho/> (дата обращения: 21.01.2024).

[39] Грушевский М.С. История украинского народа. М.: Моолит-Евролинц-Традиция, 2002. С.133.

[40] Соловьев С.М. Сочинения. Кн.V. История России с древнейших времен. Том.10. Гл. 2. М.: Мысль, 1989. С.450.

[41] Грушевский М.С. История украинского народа. М.: Моолит-Евролинц-Традиция, 2002.С. 206; М. Кизилов. Зачем запорожские казаки ходили походами на Крым / «Русская семерка». 2018. №3(7). С. 38-39.

[42] Величко Самійло. Літопис. Т. 2. Київ,1991. С.191.

[43] Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VI. История России с древнейших времен. Т.12. Гл.3. М.: Мысль, 1989. С.473.

[44] Самійло Величко. Літопис. Т. 2. Київ,1991. С.196.

[45] Схария. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. <https://web.archive.org/web/20130621215233/http://ru.wikipedia.org/wiki/Схария> (дата обращения: 21.01.2024).

[46] Рабы и работорговля в Крымском ханстве / Реальное время. <https://realnoevremya.ru/articles/288221-raby-i-rabotorgovlya-v-krymskom-hanstve?ysclid=lrn2abqusg153068314> (дата обращения: 21.01.2024).

[47] Тулаев П.В. Судьба русской Тавриды: история освоения Крыма от древности до нашего времени. М.: Вече, 2017. С. 87. ISBN 978-5-4444-5771-9

[48] Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи П. И. Якушкина; подготовка текстов, предисловие, комментарии З.И. Власовой. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1983. Т.1. С. 129.

[49] Павленко Н.И. Пётр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975. 384 с.

[50] Военное дело и военная культура Крымского ханства: набеги крымских татар / Реальное время. <https://realnoevremya.ru/articles/295518-nabegi-krumskih-tatar> (дата обращения: 21.01.2024).

[51] Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Ново-Сербию / «Киевская старина». 1883. № 9-10 . С. 135-198.

[52] Овчинников В.Д. Борьба за Крым. XVIII век. Историко-документальное исследование М.: Русский мир, 2015. 319 с.

[53] Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в (преимущественно по данным массарий Каффы) / «Византийский временник». 1986. Т. 46. С. 139-145.

[54] Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886// <https://likefirenze.ru/2022/06/02/иван-васильевич-лучицкий-рабство-и-ру-2/>(дата обращения: 21.01.2024).

[55] Воинские повести Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Вступ. ст. Л.А. Дмитриева. Л., 1985. С. 202.

[56] Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян (1550 г.). / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. https://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm (дата обращения: 21.01.2024); Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси / Пер. К. Мельник; (Под ред. В. Антоновича). Вып. 1. Извлечение из сочинения Михайла Литвина. Киев, 1890. С.19.

[57] Флетчер Дж. О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царём Московским): с описанием нравов и обычаев жителей этой страны / Пер. М.А. Оболенского. М.: URSS. С. 168.

[58] Боплан, Гийом Левассер. Описание Украины, нескольких провинций Королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн / АН УССР, [Факс. изд.]. Киев: Наук. Думка, 1990. 112 с. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. <https://www.vostlit.info/Texts/rus12/Woplan2/text1.phtml> (дата обращения: 21.01.2024).

[59] Мемуары графа де Грамона. Пер. с фр. М. Архангельской / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Д. Михайлова. М.: Московский рабочий, 1993. 223 с.; Грамон Антуан. Из истории московского похода Яна Казимира. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. <https://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gramon/pred.phtml?id=364&ysclid=lrktxie9rz883659059> (дата обращения: 21.01.2024).

[60] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т.6. Гл. 5. М.: Мысль, 1989. С.583-685.

[61] Воинские повести Древней Руси. / Сост. Н.В. Поньрко. Вступ. ст. Л.А. Дмитриева. Л., 1985. С.437.

[62] Сказание о невольниках, освободившихся из турецкой каторги (1643) https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Skaz_nevoln_osv_tur_katorgi/text.htm (дата обращения: 21.01.2024). Русский перевод старинного текста XVII столетия был опубликован в «Киевской Старине», откуда он попал в издание «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси (Вып. II. Киев, 1896) под названием «Сказание о невольниках, освободившихся из турецкой каторги».

[63] Летопись событий в Юго-западной России в XVII-м веке / Сост. Самоил Величко, б. канцелярист Канцелярии Войска Запорожского, 1720. Т. 1-4. Киев, 1848-1864.

[64] Дума эта была напечатана в сборниках: Лукашевича «Малорусские и Червонорусские думы и песни» (1836), Максимовича «Сборник украинских песней» (1849), а также у Антоновича и Драгоманова в «Исторических песнях малорусского народа». Т. I (1874).

[65] Набег Крымского ханства / Российское общественное достояние. Электронная библиотека. <https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/nabeg-krymskogo-hana> (дата обращения: 21.01.2024).

[66] Исторические песни. Баллады / Составитель и комментарии С.Н. Азбелева. М.: Современник, 1991. С. 81-90.

[67] Там же.

[68] Хрестоматия по истории русской культуры. М.: Издательский центр «Аз», 1996. С. 34-35.

[69] Записки о Южной Руси / Изд. П. Кулиш. Т. 1-2. Спб.: тип. А. Якобсона, 1856-1857.

[70] Собрание народных песен П.В. Киреевского / Записи П.И. Якушкина. Подготовка текстов, предисловие, комментарии З.И. Власовой. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1986. Т.2. С.116-117.

[71] Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан / Соч. в 3-х томах. М.: Художественная литература. Т. 2. С. 49.

[72] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX, глава III / «Москва». 1988. №1. С.143—144; Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М.: Правда, 1988. С.604-605.

[73] Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 1. https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/31 (дата обращения: 21.01.2024).

[74] Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888 / Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т.1. Одесса, 1886-1889. С. 353.

[75] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси (первая половина XVII ст.). Перевод и комментарии К. Мельник. Вып. II, Киев, 1896.

[76] Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства / «История в школе». 1936. № 3. С. 29 – 61.

[77] Чернявский С.Н. Крымская Империя. От ханства к Новороссии. М.: Вече, 2016. С. 291. ISBN 978-5-4444-4806-9

[78] Иванов О.А. Крымский полон. О судьбах русских людей, уводимых в XVI веке в плен крымскими татарами / «Московский журнал». 2014. №5 (281). С. 34—39; Жуков В. .Общая милостыня. Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века / « Родина». 2014. №11. С.95-97; Кизилов М. Крым и торговля рабами в Чёрном море. Как это было / «Русская семерка. 2018. №3(7). С. 41-42; Логинов М. Вре́мён очаковских и покоренья Крыма / «Дилетант». 2018. №35. С.. 19-21; Гелани С. Крымско-татарская работоторговля / «Таврический вестник. https://vk.com/wall-186308657_3230?ysclid=lrky0en5wi703465703 (дата обращения: 21.01.2024).

[79] Кизилов М. Крым и торговля рабами в Чёрном море. Как это было / «Русская семерка». 2018. №3(7). С.42.

[80] Айбабина Е.А. Крымский улус «Золотой Орды» / Крым: от древности до наших дней. Симферополь: Издательский дом

«ЧерноморПресс», 2012. С. 170; Айбабина Е.А. «Генуэзцы в Крыму», в том же томе, с. 183

[81] Сидоренко В.А. Крымское ханство / Крым: от древности до наших дней. Симферополь: Издательский дом «ЧерноморПресс», 2012. С.193-212.

[82] Крымско-ногайские набеги на Русь. Материл из Википедии – свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Крымско-ногайские_набеги_на_Русь (дата обращения: 21.01.2024).

[83] Величко Самійло. Літопис. Т. 2. Київ,1991. С.234.

[84] Грушевский М.С. История украинского народа. М.: Моолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 128

[85] Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. С.161.

[86] Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. <https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi6/text3.phtml?id=7914> (дата обращения: 21.01.2024).

[87] Боплан, Гийом Левассер. Описание Украины, нескольких провинций Королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн / АН УССР. [Факс. изд.]. Киев: Наук. Думка, 1990. 112 с. / Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. <https://www.vostlit.info/Texts/rus12/Woplan2/text1.phtml> (дата обращения: 21.01.2024).

[88] Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. С.163.

[89] Заркави А. Очерк о работоторговле в Крыму и сравнение с торговлей рабами в остальном мире// <https://diletant.media/blogs/63724/305/>

[90] История крымских татар: В 5 томах / Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымский научный центр; отв. ред. И.В. Зайцев. Т. 3. Крымское ханство (XV-XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 3.

[91] Тулаев П.В. Судьба русской Тавриды: история освоения Крыма от древности до нашего времени. М.: Вече, 2017. С. 41-45. ISBN 978-5-4444-5771-9

[92] История крымских татар, В 5 томах / Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Крымский научный центр; отв. ред. И.В. Зайцев. Т. 3. Крымское ханство (XV-XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 4-6.

[93] Podhorodecki Leszek. Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV-XVIIIw. Warszawa: Książka i wiedza, 1987. 316 с.

[94] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Пер. К. Мельник / Под ред. В. Антоновича). Вып. 1. Извлечение из сочинения Михайла Литвина. Киев, 1890. С.22; Литвин, Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян (1550 г.). https://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frametext.htm (дата обращения: 21.01.2024).

[95] С деловыми предложениями по увековечиванию памяти христиан-невольников, проданных в Крыму, обращайтесь к Президенту фонда «Наследие Крыма» Анастасии Алексеевне Ивановой: **e-mail: info@bfnk.ru**, тел. + 7 (499) 707-55-55

РАБОТОРГОВЛЯ В КРЫМУ: ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

О проблеме в целом и её главных аспектах.....	3
Причины работорговли в Крыму.....	5
Статистика рабства как научная проблема.....	10
Формы рабства и судьба пленников.....	13
Хронологический обзор	
От эпохи античности до распада Золотой Орды.....	21
Крымское ханство и подъём Османской империи.....	25
Южная стратегия Московского царства.....	30
Лавирование казачества между державами.....	35
Система выкупа и обмена пленных.....	47
Реальные истории невольников.....	52
Восстание и общее наступление казаков.....	59
Российская Империя покоряет Крым.....	65
Образы рабовладения, их источники и обсуждение	
Правовые документы.....	72
Летописи и свидетельства современников.....	76
Фольклор и художественные произведения.....	85
Научные исследования и обзоры	
Русская и советская школа.....	95
Украинские фальсификации.....	102
Апологеты Крымского ханства.....	107
Общие выводы и предложения.....	113
Библиографические ссылки.....	115